

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

СВИНЦОВАЯ СТРОЧКА

ОЛЕГ РЯБОВ

Олег Алексеевич Рябов
Свинцовая строчка
Серия «Окопная правда
Победы. Романы, написанные
внуками фронтовиков»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67837740

*Свинцовая строчка:
ISBN 978-5-04-171254-9*

Аннотация

Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц – страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина.

«Война, в полном смысле этого слова, перед моими глазами... Я в первые же дни явился свидетелем гибели двух пехотных полков с их командирами. Война – это страшная штука... особенно для пехоты. Я живу на НП полка и видел штурм, а теперь созерцаю поле, покрытое серыми шинелями. Долго они еще будут лежать!»

Эта книга представляет собой окопную повесть. Но она отличается от «лейтенантских повестей», созданных писателями

в домашней, мирной обстановке, спустя годы после окончания войны. Эта книга написана именно в окопах. Автор использовал письма отца, которые приходили с фронта, литературно обработал их, добавил отцовские устные рассказы. Это хроника всей войны, истинный взгляд из окопа.

Содержание

Часть 1	7
I. Я простился с Волгой	7
II. Пусть бабка молится за меня	48
III. С войны возвращаются стариками	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Олег Алексеевич Рябов

Свинцовая строчка

© Рябов О.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Хотелось назвать эту книгу «КАУЗАЛГИЯ».

Но так как не получилось название, придется писать предисловие.

Я узнал это слово в пятнадцать лет, и никакие врачи, никакие энциклопедические и медицинские справочники, никакие топонимические и этимологические словари не сумеют во мне перевернуть то первое, раннее восприятие этого термина, которое сформировалось в детстве. Мой старший товарищ, учитель, поэт Борис Ефремович Пильник, вернулся с фронта без ноги. И у него постоянно болели пальцы на той ноге, которой у него не было. Нога осталась где-то там, в Калининских болотах, осенью 41-го, а пальцы болели тут, в маленькой комнатке, на площади Горького, и мы, мальчишки и девчонки, молодые поэты, которые заходили в гости к «нашему старику» послушать стихи Гумилева или Юргиса Балтрушайтиса, видели и чувствовали, как болят эти пальцы на ноге, которой давно уже нет.

Да, по-научному это надо называть фантомной болью, но для меня это – каузалгия. Больше сорока лет минуло с тех пор, как ушел мой отец. В течение довольно продолжительного времени я работал с его письмами, дневниковыми записями, воспоминаниями, которыми он когда-то делился со мной; готовя рукопись этой книги, я постоянно мысленно советовался с ним. За эти годы я часто слышал его голос, не раз встречал в толпе, видел силуэт в окне, просто разговаривал... Я постоянно пытаюсь понять, как он прошел этот путь, который не все осилили по разным причинам.

Каких-то пятьдесят лет назад теплым майским утром я слышал почти церковный колокольный звон: это побрякивали серебром и золотом медали вернувшихся живыми.

«И каждый первый – герой, И каждый второй – бессмертен», – сказал о них Поэт.

Мне в жизни приходилось сталкиваться со многими интересными людьми, попадать в неординарные ситуации, и всегда я мысленно советовался со своим отцом, которого нет, не просто рядом, а вообще уже нет. И это тоже каузалгия, а значит – боль.

Хотя в этом есть доля лукавства: письма моего отца из кровавых окопов Великой Отечественной войны, которые он писал моей бабушке, опосредованно давали мне советы, в них я находил ответы на многие вопросы. У меня всегда по этой причине есть возможность поговорить с ним.

Хотя это тоже каузалгия, а значит – боль.

Часть 1

Путешествие не по своей воле (Военный дневник)

I. Я простился с Волгой

20.09.41

Въехал в Азию! Никто из вас так не путешествовал, да, наверное, и не придется: мне кажется, никто не пожелает. Сегодня в первый раз умылся после Куйбышева, где в какой-то парикмахерской помыл руки. В Куйбышеве я долго лежал на пустынном берегу и глядел на реку с белыми гребешками волн – на душе было легко. Я даже не прощался – я простился с Волгой еще в Горьком: пятнадцатого сентября целый день на яхте общался с Волгой, быть может, в последний раз. Теперь я в Азии, а здесь, кажется, по местным обычаям можно совсем не мыться.

Сразу после Самары началась степь (так начинаются многие рассказы прошлого века, где описывается, как русские господа ездили на кумыс), с ее ковылем, пылью и осенними

ветрами. Ветер сильный, пронизывающий до костей, но дождей пока нет, сквозь облака проглядывает солнце. После Оренбурга помахали рукой Европе.

Здесь, в Азии, все своеобразно. Деревушки маленькие, серенькие, домики-мазанки по типу украинских, но нет ни кустика, ни деревца – кругом голая бесконечная степь. На останках грязные босые ребятишки продают арбузы, дыни, молоко; по дорогам едут на верблюдах – все как 150–200 лет назад. Настроение у меня прекрасное, я доволен, доволен, вероятно, так же, как какой-нибудь чеховский инженер, ехавший в мягком «пульмановском» вагоне.

На соседней полке под рваным пестрым одеялом все время сопит и всхрапывает старый киргиз, но я мирюсь с этим – ведь не часто приходится ездить с киргизами. На другой полке лежит поляк с замечательными голубыми глазами. Боже, видели бы вы его!

История поляка такова: повоював с немцами 12 дней (Польша воевала только 12 дней!), он попал в плен и был отправлен под Берлин, оттуда бежал домой, в Варшаву. А дальше – Россия, Сибирь. И сейчас он едет в Актюбинск, где из таких вот «патриотов» генерал Андерс формирует польскую армию. В Актюбинске их уже 100 тысяч, и все из тюрем, и все без семей. На этом поляке с голубыми глазами надето то, что он когда-то надел дома, в Варшаве: брюки уже изорваны, раньше они были черные, а сейчас напрочь вытерты и стали грязно-серыми, белье, когда-то белого цвета, сейчас

тоже серое, на ногах – обмотки из каких-то тряпок и рваные лыжные ботинки. Он просит у меня нож, режет арбуз, затем тщательно вытирает его о брюки и вежливо, очень вежливо возвращает обратно.

Я выехал из Горького с военными, кто-то из них ехал до Куйбышева, кто-то дальше, но сейчас уже нет ни одного. Все, связанное с войной, осталось за Волгой, и я не знаю, что делается на свете: нет ни радио, ни газет – и только плач и крики на станциях при проводах мобилизованных напоминают о чем-то неясном и далеком.

В вагоне остались наши русские мужики с Урала, Каспия; эти шумят, ругаются, они – чистые, так как прямо из дома; требуют к себе хорошего отношения, ибо едут на смерть. Один встретился в тамбуре: «Браток, закури!» Закурили. «Ты понимаешь – последний день!.. Не хотелось ругаться, но вынуждают, и я своего добьюсь».

Поляки были тихие и вежливые. Они ничего не требовали, всех называли «пане» и друг друга – «пане Замборский». А посмотрели бы вы на этих панов!

Цены здесь очень низкие: молоко – два рубля литр, арбузы и дыни от рубля до трех.

25.09.41

Здравствуйте, друзья мои! Многим может не понравиться тон моих писем, но что делать: я не по своей воле путе-

шествую, да и без комфорта; конечно, я очень бы не хотел, чтобы мое турне кончилось востоком, а не западом, но это все еще впереди, а пока... тянутся дикие, безлюдные пустыни Туркестана и «голодная степь» Казахстана. Это не Волга, и даже не Урал, и все здесь свое, своеобразно-азиатское, начиная от звездного неба, кончая обычаями. Здесь даже скот не похож на наш – все наше здесь гибнет.

Если вы взглянете на карту, то от Куйбышева до Оренбурга тянется степь. Это обычная степь Южной России с табунами скота, с кумысом, с кумысолечебницами. От Аральского моря начинаются Приаральские Кара-Кумы, уже ничего не растет и почти никто не живет, только скорпионы и ящерицы. Трудно поверить – на тысячи километров нет ни свежего кустика, ни зеленой травинки: или степь с сухой серой травой (до Аральского моря), или сплошные пески – безграничные, сливающиеся с горизонтом, с растущими кое-где низкорослыми колючими деревцами без листьев. Это дерево пустыни называется саксаул. Видел озера из соли; неприятно встретить в пустыне такое озеро жаждущему влаги путнику. Интересно: среди диких песков появляется голубое блестящее зеркало воды, и разве только на расстоянии нескольких метров понимаешь, что это соль.

26.09.41

Я проехал ровно 10 суток – 240 часов. Мне прокрути-

ли кинофильм «Прифронтовая полоса и тыл», фильм в 240 часов, цветной, стереоскопический. Я просмотрел все с неослабевающим интересом и даже не заметил, как пролетело время, то была первая серия, а сейчас антракт.

Алма-Ата! Она меня ошеломила. Я слышал рассказы про этот город, но представлял что-то другое. Я видел Ленинград, Севастополь, Сочи, но Алма-Ату сравнить просто не с чем. Проехав последние 800 километров через Голодную степь (так называется пустыня, тянущаяся вдоль Киргизского хребта) и почти не встретив по пути растительности, я попал в сказку.

Представьте себе лес: большой девственный лес из берез, лип, кленов и пирамидальных тополей, а в этом лесу стоят небольшие белые домики, в основном одноэтажные. Здесь милиционерам не нужно управлять движением, то есть следить за тем, чтобы народ переходил улицу на перекрестках. Идет асфальтированный тротуар, затем изгородь из акаций, арык (канавка с проточной ледяной водой), затем аллея высоких деревьев, снова барьер из акаций, и уже шоссе, асфальтированное, так же точно и с другой стороны. Улицы все идеально прямые, пересекаются под углом в 90 градусов, особенно интересно ночью: идешь и слышишь, как со всех сторон журчит вода, даже в туалетах на улицах, в парках, кругом журчат арыки, и вот на таком искусственном питании растет огромный лес, это среди бесконечных, диких, выжженных солнцем степей. Я выходил на станциях на 10–15 минут

из вагона и ужасался жаре: температура 40–45 градусов, а здесь, в городе, прохладно.

А какое тут небо!.. Помните картины Верещагина, там небо ярко-бирюзового цвета, смотришь и не веришь, что такое бывает. Здесь оно действительно такое.

Теперь небольшая справка: в Алма-Ате больше солнечных дней в году, чем где-либо в СССР. Здесь и зима своя, собственная, неазиатская, а алма-атинская, почти всегда с солнцем. Парки с фонтанами, с огромными клумбами цветов, как на сельскохозяйственной выставке в Москве, только со всех сторон окружают фантастически величественные снеговые горы. Город находится на склонах Киргизского хребта (отроги Тянь-Шаня) на высоте 800 метров над уровнем моря и окружен горами. Идешь по городу, а его длинные зеленые улицы сливаются вдаль с вершинами гор. Какое приятное чувство – глядеть туда вверх. На фоне этого яркого бирюзового неба в какой-то розовой дымке стоят хребты с вечными снегами. Кажется, это совсем близко, но высота их достигает 7000 метров. Описать все это трудно. Правильно сказал один философ: понять можно только то, что прочувствовал и испытал сам. Тут все так своеобразно и необычно, что только приходится вспоминать картины и декорации художников: все эти юрты киргизов в голой степи, эти горы в розовой дымке хорошо воспроизводит Анатолий Мазанов в нашем Оперном. Смотришь на горы, и кажется, что это декорации или что-то искусственное поставлено за городом.

В поезде познакомился с одним биологом, шесть лет назад окончившим Московский университет; он работает здесь. Восемь месяцев в году в экспедициях: был и на Днепре, и на Енисее, ездил по Бугу, по Оби и по Аму-Дарье, был почти во всех городах Союза, облазил здешние горы, степи и пустыни. Видел все, кроме Уссурийского края, как сказал он. Много он мне рассказал, и все-таки я ему не позавидовал и свою работу на его не сменил бы. Почему так? Не знаю.

Ну, а о работе – здесь все произошло, как у Игоря Пузырева. Он написал мне, что они со знакомым пришли, осмотрели радиостанции и поняли, что все «нормально», как и дома. Я тоже мог бы приехать на неделю позже, и ничего бы не изменилось. Пять тысяч километров обстановку не изменяют. Пробуду здесь, вероятно, долго.

1.10.41

Прочел коммюнике Московской конференции, абсолютно ничего не понял, но понравились последние семь строчек в выступлении Гарримана. Я подумал и пошел стричься наголо, под машинку. С волосами фотография приложена к сему. В Алма-Ате красавиц нет, домой, вероятно, попаду не скоро, и посему волосы не нужны. Между прочим, серьезно: в Алма-Ате я не видел ни одной более или менее красивой женщины. В таком красивом городе какие-то серые невзрачные люди. Вот в Ташкенте живут узбечки, так на них при-

ятно посмотреть: яркие, у всех карие глаза и черные косы. Я ведь через Узбекистан тоже проехал. А сколько обычаев здесь интересных, а главное: мужчины, казахи, не работают абсолютно, только ездят по гостям пить чай.

Работа. Сегодня первый раз проводил занятия с радистами полка. Из пушек стрелять, кажется, не придется. Немного обидно!! Командир дивизии сказал мне, что артиллеристов у него достаточно, а вот радиоинженер только один. Пришлось согласиться.

Люди в полку прекрасные, большинство с производства, и все русские. Среди офицеров есть один еврей, хороший парень, но уж очень угнетен, хотя и уверен, что вырвется отсюда. Попал он в армию, как говорит, совершенно случайно, ибо у него кругом свои люди, кругом блат. А теперь у него два выхода: или немцы убьют, или свои за какую-то оплошность. Он прямо говорит, что рожден не для войны. А в остальном душевный человек, я ему очень понравился, и он мне все это рассказывает, уж очень тоскует по дому.

Должность у меня занятая – сам себе хозяин. Главное – за людей ответственности нет, ибо их у меня нет, и техники, правда, тоже пока нет. Начальники у меня сволочные попались, я уже и поругаться успел. Они не хотят понять, что пушки и радио вещи несравнимые, а сами-то понимают только в пушках. Но это все дело дальнейшего будущего, а пока выпал первый дождь, что очень приятно, ибо погода невыносимо жаркая. Дыхание осени дошло и сюда: пожелте-

ли березки и клены, тротуары покрыты упавшими листьями, и ночами дуют сильные ветры.

В город нас теперь не пускают, и лежу я целыми днями у себя на нарах, на третьем этаже, и читаю техническую литературу. Кругом висят сапоги, портянки, полотенца; внизу тренькают на балалайке и гармошке. Вечерами сидим у входа и курим, ночи здесь черные-черные, и звезды такие, какими они могут быть только на юге: все небо в бриллиантах. В 9 часов заваливаемся спать до 7 утра; днем я не сплю, а друг мой еще и днем спит. Иногда ходим в ДК, смотрим кино, но я с большим удовольствием лежу вечерами на нарах и слушаю гармонию.

18.10.41

Тася, я пишу обычно много, но так однообразна моя жизнь здесь, что писать уже нечего. О городе – все, о дороге – все, о людях: о них можно только говорить – это психологические, философские темы.

Сейчас лежу у себя на нарах и дрожу: по полку объявлена химическая подготовка, а я даже противогаз не получил, по пословице: «Пока гром не грянет, русский не перекрестится».

У нас ведь и шинелей нет – здесь стоит ужасная жара. Но самое противное – это пыль и то, что травы нет – вся выгорела. Утром у вас сейчас туман, и здесь такая же картина, но

только от пыли, которая поднимается ночными ветрами. А спим как? Кроме пальтишка из дома у меня ничего нет; оно подо мной, а под головой сумка с инструментом и пилотка. Хорошо, что жарко – покрываться не надо; на нарах окурки, бумажки и все та же пыль, но меня это особенно не тяготит.

Да, Таська, я не писал о здешних яблоках, ведь мы выросли среди яблоневого сада, ели, кажется, всякие, но, поверь, здешние яблоки ни с чем не сравнимы. На базаре продают и виноград, и груши настоящие, дюшес, но их я покупал только так, для разнообразия, ибо яблоки много лучше. Представь себе огромный базар и – в основном яблоки; они все или красные, или белые и огромной величины (обычно 200–300 граммов). Если будет возможность, то приедем сюда специально есть яблоки.

И еще о питании: сначала кормили из общего котла, сколько хочешь, как в хорошем санатории (солдатам это не полагается), а теперь с котла сняли и предложили питаться самим. Приходится ходить по ресторанам.

Здесь только в середине октября стали пропадать продукты, ибо карточек до 15 октября не было. Я приехал из Горького сюда, как в другую страну: карточек нет, и продукты, какие хочешь и сколько хочешь. В ресторанах кормят прекрасно, только с деньгами, вероятно, будут нелады, ибо в городе полно пива (при такой жаре!), да и на душе стало тоскливо.

Вечерами почти все ребяташки молоденькие уходят в

парк, где полно женщин легкого поведения. А я ухожу в ресторан и пью пиво, но что-то от него не хмелею, а водку пить одному как-то неудобно, возможно, не привык. Лели, жалко, нет, передайте ему – вот где бы я его угостил, а каких здесь вин только нет! Письма пишу не по событиям, даже неловко писать-то. Ну ладно, пишу для себя и для тебя, кому не нравится – не показывай. Может, доведется прочесть самому.

4.11.41

С Горьким все связи лопнули, последняя весточка от 6 октября. Расстояние, правда, большое, но и срок – месяц. Скоро два месяца, как я расстался с заводом. Время просто промелькнуло – потому, что я знаю: очень не скоро увижу Горький.

Когда я был в лагерях 2 месяца или на практике 2 месяца, то они были длинными, длинными.

В октябре, Тася, был десятилетний юбилей моей самостоятельной жизни. В октябре, 31 числа, в грязь, в дождь я пошел на биржу труда в кремле, оттуда на Ленинский завод, на Мызу. Через 10 лет, без месяца, я ушел оттуда и уехал с Мызы; как хорошо, что я успел год поработать инженером: не будь этого года, попал бы сюда с дипломом инженера, но со знаниями и опытом обычного студента. А сейчас я смело разбираю радиостанции, которых никогда не видел.

Занятно у меня складывалась работа: на 21-м заводе был

электриком среди электриков, но работал обмотчиком – делал то, чего не понимают и не умеют обычные монтеры. На заводе я делал также самостоятельную обособленную работу. Теперь же я артиллерист среди артиллеристов, но делаю то, чего не может ни один артиллерист.

У вас скоро уже зима, а здесь ничего похожего: пыль, пыль, пыль, по утрам она как густой белый туман, но здесь спасают деревья, а вот в городах Северного Казахстана – там совсем могила.

Был у Пирадовых: они бежали из Киева, где оставили хорошую дачу под городом, новый рояль и шикарную квартиру с обстановкой. В. И. постарел, поседел, а А. Л. такая же. Они сначала проехали в Уфу, затем в Свердловск и теперь – сюда. Шлют всем большой привет. А. Л. Леночку и Миколу вспоминала (где теперь Микола, известно ли?). А сколько здесь народу понаехало, каких только рож не встретишь!! Ну, пока все!!

26.11.41

Давно я не писал, ибо был в пути, да все еще еду и, вероятно, долго буду ехать.

Прошло 72 дня, из которых я в дороге 32: кажется, много, редко кому в жизни приходилось так путешествовать, и поэтому мне хочется, когда я попаду домой, более подробно рассказать обо всем.

Дорога моя завершила сначала опять на восток, и я очутился где-то между Доном и Волгой, в такой глуши, что люди никогда здесь не видели красноармейцев, подчеркиваю — никогда! Сейчас здесь тишина. Поля во многих местах стоят с неубранным хлебом, по дорогам встречаются возы, запряженные ленивыми, флегматичными волами, так гармонирующими с местностью. Стоим в большой, когда-то немецкой колонии. Величиной она с Воротынец, но пустая, без хозяев. Несколько домов заняты эвакуированными, да еще мы. В первый день было очень приятно жить в огромном пустом селе, и страшно захотелось домой, впервые за 72 дня. Но это настроение быстро промелькнуло, и я снова вошел в колею. Сейчас лежу в чистом беленьком домике, на хорошем крашеном полу, и не хочется расставаться с этой квартирой. Когда мы пришли в дом, он был пуст и даже заботливо выметен уехавшими хозяевами (что значит немцы!). Большой высушенный лимон напоминал об уюте, когда-то царившем здесь. Хорошо жили, ничего не скажешь!

Домой я послал телеграмму, хочется узнать, что дома, а то мы опять уезжаем. Где-то по дорогам, я думаю, путешествуют письма ко мне. Вероятно, они были во встречных поездах и меня уже не догонят.

Тася, пиши только открытки, чтобы не переводить зря время. Я пишу для удовольствия, но жалко, если это потеряется.

Писал я много, но ведь это все еще не война. Не доехал!

Но близко! Мы уже видели разбитые железнодорожные станции. Я, Таська, из книжки вырезки посылаю: занятно, как все повторяется у меня. Привет всем, обязательно, я не перечисляю, кому конкретно – вдруг кого забуду.

10.12.41

Начались наши скитания по маленьким и большим русским селам и деревням. Рязанская область. Под образами мерцает лампадка, на столе передо мной стоит рация. Два лейтенанта, мои друзья, и маленький шестилетний пацаненок слушают радио.

Домик чистенький, что очень удивительно для здешних мест. Живем вдвоем – доктор, лейтенант и я. Отношение к нам везде замечательное. Делают для нас все. В эту деревню, например, мы пришли в 5 часов утра, ибо обычно ходим ночью (так положено на войне), постучали в первый попавшийся дом и уже через 30 минут лежали на матрасе под теплыми шубами.

Несколько дней назад жили в другой деревне, где спали рядом с курами на соломе, там и хозяева всегда спят так. Такой грязи в наших селах я никогда раньше не видел: даже бань нет – зимой практически не моются, а водички погреют в печке и сполоснутся немного.

Между прочим, некоторые мои друзья уже получили боевое крещение, мы же пока пехотинцы, ибо еще не имеем

пушек. А судьбу испытаем позже.

Одели нас – лучше некуда: шубняки, валенки, свитеры – в общем, здорово, такая одежда даже от осколков спасет.

Хотелось мне в леса попасть, в привычную природу, да не доехали немного. А здесь абсолютно голая местность и дуют ветры, что очень неприятно. У нас же в лесах тихо, только снег похрустывает под ногами, а здесь и снега-то нет. Сейчас земля почти голая, лишь чуть-чуть припорошило.

15.12.41

Ровно три месяца, как я покинул Горький, быстро же они промелькнули. Вот уже семь дней стоим на одном месте. Фронт уходит от нас, да, да, фронт от нас, а не мы от него. До фронта вместо 20 снова 100 километров. Не забудьте – мы под Рязанью. Когда-нибудь вспомните это. Немцы сейчас в Сталиногорске: мы же пока в тылу, нас все еще берегут; вероятно, для окончательного победного наступления на запад. Сейчас вперед пошли конные корпуса генерала Белова.

Я так привык жить в движении, что семь дней на месте уже многовато, а живем мы прекрасно; даже есть диван, на котором я лежу, вспоминая своих. Думаю поехать в дивизионы, разбросанные по окрестным деревням – починить кое-где станции. Положение по службе очень неважное: я уже имею трое суток ареста, но пока не унываю и верю в свою правоту. Посмотрим, что будет дальше.

Да, у меня есть карта, на которой я нанес первые 8000 километров своего «браушвейга». Занятно будет, если турне закончится там, где началось. Постараемся!

21.12.41

Таська, мы снова грузимся на поезд и снова куда-то едем. По всей вероятности, все-таки уже на войну. Сзади остались Сталинградская, Воронежская, Тамбовская области, а теперь прощай и Рязанская с ее грязью, убожеством и красивыми, надо сказать прямо, женщинами (бабами!). Как все вертится перед глазами: дороги, вокзалы, села, люди – скоро уже сто дней, но мне еще не надоело. Вот здесь, в маленьком городке Раненбурге (какое странное название для Рязанской области), прожив шесть дней, я затосковал и поехал по селам, где расположены батареи. Ездил пять дней, ночевал все время в разных местах, посмотрелся всего – не поверите.

В первый день пришел в штаб дивизиона, открываю дверь – стоит корова, и с нее веником сметают снег. Коровы, поросята, куры в избах – обычная вещь; бывает еще, что для тепла на полу солому стелют, а меняют редко – в хороших конюшнях чище. Я видел села Урала, Азии, наши русские, но здесь – что-то особенное. Говорят, Рязанская область всегда была такой, и вот эти-то села сейчас забиты эвакуированными москвичами.

Интересно бродить по дорогам, по избам; каждую ночь

ночевать в разных местах, где на скамье, где на соломе, а иногда ложимся прямо на грязный заплесанный пол; надеваешь варежки, спускаешь у малахая уши и засыпаешь. Вечерами слушаешь баян, гармошку; как-то слушал гитару и соответствующие песни на квартире у сельских учительниц. Вот у кого тоскливая жизнь.

Конечно, и без вшей теперь не обходится, но ничего – скоро лето, и с этим будет полегче. Через трое суток начнет увеличиваться день, а через пару месяцев будет таять, но к сентябрю я домой не попаду. Не уложимся!

Сейчас ночь. Я дежурный по штабу полка, только что все утихомирились и ушли. В домике телефон и пара посыльных солдат, под окнами ходят часовые. Что делать, как не писать? Вот еще вспомнил: нас теперь поят спиртом, который по виду похож на керосин, водой разбавишь – делается белым, как молоко. Что это такое, Таська, ты разберись как химик и напиши, ежели очень вредно, то пить не буду. Из Горького никаких вестей. Скажи друзьям – пусть иногда тоже открыточки в ящик бросают по моему адресу.

Бывает ли Надя, катаются ли на лыжах? Мне очень хочется покататься, но здесь почему-то мало снега.

Звонит телефон – это приятель из соседней деревушки заскучал, приглашает меня после войны в Тбилиси, в гости. Откуда только нет приятелей, куда только не приглашают после войны: и в Казахстан снова, и на Кубань, и в Крым, а один даже на Енисей зовет, и каждый свое расхваливает.

Таська! Знаешь ли ты, где я? В Москве!! Да-да, в центре Москвы! Вот это да!

Мы были в одной из армий Западного фронта, нас вывели, привезли в столицу, и мы находимся в резерве у т. Сталина. Вот здорово! Но ведь это все как бы путешествие, а люди воюют уже седьмой месяц. Когда мы выехали на большую магистраль, то гадали: юг или север? Мне хотелось на юг. Но с каким чувством я подъезжал к Москве, этого не передашь, ибо считаю ее вторым родным городом.

Было солнечное утро, дымили трубы заводов, на запад де-вятками уходили тяжелые груженные бомбардировщики. Мы даже не мечтали попасть в город, а как хотелось. И представь себе: на 25-м году революции я проехал по центральным улицам столицы на старинных резных санках, приобретенных для командира полка в какой-то рязанской деревне. Мы, вдвоем с адъютантом комполка, с автоматами, с гранатами, ехали по улицам Москвы, заходили в магазины, переезжали площади поперек, нарушая все правила движения. Мы ж приехали из деревни, из глухой рязанской деревни – что с нас требовать? Было очень приятно.

Все начальство, конечно, верхами уехало, а мне по штату даже конь не положен; езжу всегда на чужих.

Вот я в городе, который, как пишут, имеет строгий подо-

бранный вид. Да, это правда, нет на улицах празднующихся зевак, меньше машин, с 8 вечера жизнь на улицах затихает, а в 10 часов улицы и совсем пустеют. Многомиллионный город замирает до утра – это так странно. А в общем, город все тот же, что и 9 месяцев назад, я здесь обошел много, и поверь – никаких особых разрушений, только окна, но ведь это пустяки.

В Москве мне оставаться совсем не хочется – это все-таки неприятно, как говорится, только небо коптит. Если бы на сутки предложили поехать в Горький – не поехал бы ни за что. Посмотрел Москву, и кажется, что лишь вчера уехал из дома и совсем нигде не был. А потому – все ясно!

Единственное, что хочется, – обо всех все узнать; так напиши, Таська, сюда, может, здесь меня письмо догонит. Странно и интересно: когда я был далеко, то казалось, что и времени много прошло, а с сокращением расстояния, кажется, и время сократилось, и я ясно представляю, что в Горьком все так же, как и три с половиной месяца назад – 15 сентября.

Раньше я писал, что увидимся не скоро, а теперь боюсь так писать, ведь я уже почти дома, и не удивлюсь, если туда попаду. Но этого я не хочу!

Письма не рви, когда-нибудь, возможно, их прочту.

Прожив неделю на Калужской улице в Институте стали, мы переехали в школу, в поселок ЗИС.

Новый год встретили довольно оригинально, в классе, за общим большим столом. На столе стояло полведра мутного зеленоватого спирта, а закуска – колбаса с хлебом.

Живем пока в школе, на стенах висят картины, списки учеников. Койка моя стоит у доски, на которой нанесена сетка для правописания. Сейчас во всех классах спят солдаты, да и все коридоры забиты ими.

В город выезжаю часто, но мало что интересного вижу. Бываю в театрах, в лучших ресторанах. В ресторанах и зеркала, и мягкая мебель, встречаются красивые, нарядные женщины, а мужчины в валенках и ватных брюках. Редко кого увидишь в гражданском костюме, тем более молодого, и как-то странно на таких глядеть – уж очень не отвечает времени! Возможно, потому что я ушел из вашей среды, из вашего мира.

Я уже не знаю, что делается в гражданской жизни, а прошло всего только четыре месяца. Писать больше не о чем; это значит, что пора в путь, за новыми впечатлениями. Да и воевать уже пора! Это будет скоро, уже скоро. Вот тогда я снова начну писать. А сейчас я жду каждый день писем, которые гоняются за мной по дорогам.

18.01.42

И снова в путь и, вероятно, уже на войну. Паровоз тащит наши вагоны на Ярославль – на север, в леса, и это приятно, ведь мы уже насмотрелись досыта на голые холодные степи.

27.01.42

Бологое!

Эшелоны стоят двое суток. Моемся в последний раз в настоящей бане и снова гадаем: Ленинград или Торопец. Как долго мы едем. Даже из Алма-Аты в Сталинградскую область нас привезли быстрее.

5.02.42

Тася, представь себе раннее утро, яркое голубое небо, где-то за далекими соснами поднялось солнце. Дорога идет сосновым лесом, все в инее, и только на верхушках елей и сосен золотятся шишки под первыми лучами солнца. Мы вдвоем с приятелем едем верхом далеко впереди всего полка, километра за два. Впереди показалось огромное белое пространство – это озеро Селигер, которым ездили любоваться люди в летнее время.

Здесь берет начало наша Волга. Дорога идет по берегу, где стоит разбитая купальня, я подъезжаю к арке с надписью: «Дом отдыха «Селигер». Тишина – все побито, разрушено, медленно въезжаю на дорожку пустого парка. Дома стоят с пустыми темными впадинами вместо окон, и так везде!

Едем дальше – вдруг неожиданно под мордой лошади появляется маленький пацаненок. «Где немцы?» – спрашиваю я. Он весело отвечает, что месяц как убежали. Разбиты все мосты, по дороге стоят разбитые танки, автомашины, а по обочинам из-под снега торчат руки, ноги оставшихся здесь навсегда фрицев и гансов.

Мы прошли пешком по занесенным снегом дорогам больше двухсот километров. Вы знаете, что такое 122-миллиметровые гаубицы, вы слышали, что такое форсированный ночной марш, но вы совершенно не знаете дорог Калининской и Ленинградской областей. Может, когда-нибудь и расскажу. Идем только ночью, мороз доходит до 40 градусов, пушки тонут (если можно так выразиться) в снегу. Иногда «пробки» останавливают колонну на 1–2 часа, и, чтобы не застыть, приходится бегать взад-вперед; это вместо того, чтобы отдохнуть после уже пройденных 20–30 километров.

13.02.42

Война, в полном смысле этого слова, перед моими глазами...

Я в первые же дни явился свидетелем гибели двух пехотных полков с их командирами. Я сразу увидел войну.

Война – это страшная штука, и запомни, она особенно страшна для пехоты. У нас в арtpолку убиты единицы. Я живу на НП полка и видел штурм, а теперь созерцаю поле, покрытое серыми шинелями. Долго они еще будут лежать!

Да, наша Третья ударная армия формировалась где-то под Горьким. Нет ли здесь Орловой? Мне кажется, и автобат Легостина где-то рядом. Я жду момента, когда мы встретимся, и чем позднее, тем интереснее.

Недавно во сне я побывал дома, очень приятно было увидеть вас.

А мне, между прочим, никто не пишет. Только на заводе меня не забыли. Таська, тварь, и та не пишет.

Тася, напиши обо всем, а мне писать о войне сейчас просто не хочется. Все кругом дрожит и трясется. Отсюда попасть в ад – это все равно, что от вас попасть в рай. В аду, наверное, тише, чем здесь.

«Война – это высшая школа жизни, здесь выявляется человек полностью».

Скоро будет весна! Скорей бы!

25.02.42

Представьте себе картину: белая чистая рубашка, и на ней несколько десятков вшей. Это так противно, что можно со-

дрогнуть. Этого – не было! Было чистое, голубое небо, оно контрастно выделялось над лесом, блестящим от покрова инея. И вот на небе вертится 30–40 бомбардировщиков – эта картина тоже неприятна, но первого нет, а второе – почти каждый день. Со стороны интересно глядеть, как они колесом, штук по 10 идут друг за другом в пике. А пикируют некоторые точно под 90 градусов.

Вчера еду верхом вдали от леса, вижу – идут три самолета низко-низко, остановился, жду: первый дает очередь из пулемета, за ним оба других делают то же. Попасть в меня почти невозможно, но так они действуют на психику.

Вообще я не воюю, запомните это, и посему не рассказывайте, что я на передовой, рискую жизнью и т. д. и т. п. Меня на данном отрезке времени может убить только шальная пуля или какой-нибудь чудаков бомбу на меня сбросит.

Запомните, рискует жизнью пехота, те наши знакомые, что летом ушли добровольцами в пехотные части.

Да, небольшая справка: у Лели Цыбина на стене есть карта, там моей рукой карандашом отмечен единственный город, вот этот город мы и окружили. Я каждое утро смотрю в бинокль на его пустынные улицы, по которым иногда пробегают немцы, натуральные, живые – раньше только замороженные встречались.

1.03.42

Официальное начало весны. Зима кончилась. Через 10 дней будет ровно полгода, как я от вас уехал, время прошло незаметно.

Весь февраль стояла яркая солнечная погода, но вы этого не заметили; я раньше тоже не замечал, работая на заводе. А как это красиво среди огромных лесов, утром, днем, вечером.

Скоро начнет сходить снег, обнажая весь ужас двухмесячных боев, ужас, который сейчас покрыт белым покрывалом. А пока вокруг все чисто и красиво. Только на душе тяжело из-за того, что радиосвязь работает из рук вон плохо. Станциям по 6—7 лет, какой-то хлам, рухлядь. А я обязан сделать так, чтобы они работали и в мороз, и в дождь. Я здесь довольно-таки часто не умываюсь, подолгу не бреюсь, но вроде не старею. А вообще здесь быстро стареют. Да, артиллеристам еще хорошо тем, что часто приходится есть конину.

12.03.42

Я пишу очень часто, но не знаю, получаете ли вы мои письма. Тася, я разрешаю читать их всем, и скажи Леле, что ему писать я отдельно не буду, чтобы не повторяться. Ведь

это условности – на чей адрес они пишутся.

Второй день идет снег, пурга. Самолеты почти не летают, и как-то легко; нет того напряжения. Конечно, смешно думать, что в тебя попадет бомба с самолета, но состояние целый день напряженное. На днях было так: мы ехали на санях по большой поляне, когда из-за леса вынырнули два белых бомбардировщика. Представьте себе: яхта, сильный ветер, беяки и предельный крен, на реке очень холодно, и все прижимаются к борту. Так вот – один бомбардировщик развернулся сзади саней, чуть-чуть не задевая снег крылом, даже стало видно верхние плоскости крыльев. Мы, как на яхте, прижались к санкам, было страшно и притягательно смотреть; длинная очередь из пулемета, и они скрылись за елками.

Успел я прочувствовать и что такое бомбы: недавно две разорвались у самой хаты, одна в двух метрах – так не только рамы, но и ставни вылетели со своих мест. Я в это время стоял у окна, заколоченного палаткой и соломой; меня всем этим хламом и накрыло, а у другого окна сидел старший сержант, так ему стекла брызнули прямо в лицо и всего искромсали, пришлось везти в медсанбат.

Но вообще все эти бомбардировки больше психологически действуют на людей. Нужна большая выдержка и самообладание, чтобы сдержаться; люди в это время начинают метаться и заражают паникой других. Культурные люди обладают все-таки большей выдержкой.

Вчера на нашем наблюдательном пункте был командир дивизии; он залез на чердак маленького домика и долго глядел в стереотрубу на этот полуразрушенный Холм. Его несколько раз просили сойти в укрытие, так как кругом пикировали самолеты и бросали бомбы. Когда комдив уже спустился с чердака и стоял у стола, один из самолетов дал очередь зажигательными пулями; одна попала ему в ключицу и застряла где-то под лопаткой. В очень тяжелом состоянии его сегодня отправили на самолете в Москву.

Пока нас беспокоят только обстрелы с самолетов, ибо артиллерии у немцев в Холме нет.

23.03.42

Некоторые решили, что мне очень тошно, раз уж я упражняюсь, чтобы они писали. Так, во-первых, мне не тошно, а делом своим я и здесь доволен. Это, вероятно, «дурной» характер, как когда-то говорил Легостин. Да, мне почему-то своя работа всегда нравилась, и когда я лазил по столбам, и когда дежурил на подстанциях, и когда ремонтировал моторы, и когда работал инженером.

А если я иногда пишу, что хочется увидеть Горький и некоторых людей, так это не потому, что мне стало тошно. Я написал всем-всем, и больше просьб моих не дождетесь!

Еще не было ни одной оттепели, и зима порядком надоела, но это не значит, что я ее не люблю.

Кончается март! Никогда с таким нетерпением люди не ждали весны, которая должна принести в первую очередь тепло.

Весна будет страшная, вероятно, самая страшная из всех прошедших, но ведь идет война.

Мы переехали в Ленинградскую область, а проклятый Холм, о котором я писал, что дни его сочтены, так и не взят. По этому маленькому городишку мы выпустили 47 000 снарядов. В кино это красиво смотрится, но в кино видишь, а не чувствуешь.

В пополнении, которое мы получили, было очень много горьковчан, но они не пособили, да их уже и нет...

Тася, я тут как-то письмо довольно резкое написал – так ведь это ночью было, а ночью по-особому пишется. И письма нам часто приносят ночью. Положено сразу разбудить. Распечатываешь и читаешь при мерцающем свете поленьев. Тася, скажи, чтобы шибко не сердились. Я сейчас и не помню, что там написано. Тася, а почему у меня нет адресов Легостина и Миколки Белавина?

Если Легочка был в декабре в Москве, почему мне не сказали? Знаешь, я исписался, что ли – одни претензии. Вероятно, потому, что весна еще не пришла.

О самолетах писать надоело, о том, что мины и снаряды

свистят, – смешно. Конечно, можно писать о лесе, сейчас лес начал шуметь; зимой же в лесу тихо-тихо, только похрустывают ветки, резко разносятся выстрелы пушек, а два дня назад было тепло (сейчас опять мороз). Я шел по лесу, и чувствовалось что-то новое, оттаявшее: деревья зашумели, и к этому добавилось пение птиц.

10.04.42

*Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.
В золоте полдня сосен макушки,
Солнца звенящего край не почат,
А за деревней горластые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.*

А. Сурков

Здорово! Верно! Я обещал писать, когда начнется весна, так вот – она началась, и речка внизу, под горой, у самой хаты, переполнена водой. Речка называется Алешня, она течет в крутых обрывистых берегах, таких речек здесь сотни. Как хороша здесь весна, сколько здесь разных контрастов. Идешь по дороге: огромные сосны, крутые обрывистые склоны оврагов покрыты деревьями.

Мы идем с Лукиновым на передовую, на НП наших батарей; это путешествие нам приходится совершать почти каждый день, ибо живем мы в деревушке, в районе огневых позиций. Я хожу с палочкой и пропускаю воду, которая застоилась в ручейках на дорогах. Это приятно, а раз приятно, то почему же не делать. И вы стали бы это делать, если бы имели время.

Садимся на пригорке, под теплыми лучами солнца, скручиваем сигарки и курим. Светит солнышко, поют птицы. Хорошо описывал такие места Гамсун, но без сегодняшних местных малоприятных реалий. По обочине дороги лежат целые и полуразложившиеся трупы лошадей: кишки, кости, ноги, кровь и т. д. Нам приходится переходить большую реку: лед освободился от снега и теперь весь красный от крови. Здесь это обыденность и не нарушает гармонии первого теплого весеннего дня.

А звуки: сколько новых добавляется к звукам обычной гамсуновской весны. Тишины здесь не бывает. Все время несутся раскаты пушек, стучат за речкой пулеметы, иногда слышатся автоматные очереди (это уже забавляются наши солдаты), и все эти звуки идут помимо сознания, хотя слух все время напряжен, выбирает из этого хаоса свист мин и шуршание снарядов, пролетающих над головой. Ведь если свистит пуля, это значит, что она уже пролетела мимо, а если свистит мина, так ее слышно издали, и всегда успеешь лечь.

Сегодня курим с Лукиновым под соснами и считаем летящие над головой снаряды. «Вот уже девятый прошел, и опять по нашей деревне», – говорит Лукинов.

Четыре дня тому назад около нас стояла батарея, так вот утром она сменила позицию, а в 6 часов вечера по этому месту стали бить немцы. Стреляли до 12 часов ночи – всю опушку леса и крайние домики сровняли с землей. Один снаряд (самый близкий) упал в 70–100 метрах от нас. Мы сначала глядели с опаской, как на другом краю села рвутся снаряды, а затем легли спать, и я уснул. Спал и во сне видел, как рвутся рядом эти снаряды.

Четыре дня подряд сюда прилетают эти «гостинцы». А вчера везли на санях раненого в санбат через нашу деревушку, так снаряд упал рядом, убил лошадь и оторвал голову этому раненому, а ездовой убежал, и долго лошадь и труп без головы лежали на дороге.

Таська, немного нехорошо получается, что я об этом пишу, вам кажется, что это страшно, что я рисуюсь, описывая такие картины, но это все такие мелочи, когда пехота лежит в снегу под непрерывным минометным обстрелом; где-то тут, в 2–3 километрах от меня, идет настоящая война.

Мы же живем в хате в тылу, как боги на Олимпе (по сравнению с пехотой).

Мила Грекова прислала открытку и пишет, что Игорь Пузырев вот уже три месяца как воюет. Он в армейских мастерских, километрах в 60–80 от передовой. Как Орлова говори-

ла, что Легочка воюет, как Анна Александровна говорила, что Микола у нее на передовой, так вот обо мне, Тася и мама, прошу не говорить, что я воюю – я ремонтирую радиостанции, то есть пособляю людям воевать.

У нас два лейтенанта ходили под Холмом за трофеями, за оружием, один дополз до убитого нашего пехотного лейтенанта и принес с гордостью его пистолет, а другой так и остался там, и лишь через 15 дней принесли его документы. Эти ребята ходили за ощущениями. Я кроме танков уже видел все и многое прочувствовал, но писать об этом как-то нехорошо.

Сегодня ровно семь месяцев, как я в армии!

14.04.42

Был в тылу! Два дня! Сегодня опять на войне, где меня поджидали пять писем.

Я приехал сейчас из таких мест, где живут, то есть смотрят кино, слушают патефоны, даже танцуют. Миколка, кажется, служит так же. И вот что интересно: я шел мимо дома, на крылечке которого сидели шесть девушек, да, шесть чистеньких девушек, каких я не видел полгода. Они были все в военном – связистки, пригласили меня посидеть с ними и рассказать про войну. А поглядели бы вы на меня! Сапоги грязные, рваные, гимнастерка и брюки тоже забрызганы грязью, сам худой и черный от солнца. Я был очень дово-

лен, хотя и сказал: «Да разве с такими знакомятся?!» Они в чистеньком обмундировании, кругом блестящее начальство (это штаб армии), а я?

Девушки забросали меня вопросами, и, знаете, я не смог им рассказать о войне. В письмах кое-что еще пишу, а вот тут смог сказать только то, что все кругом здорово трясется и иногда бывает страшно.

Сушинский мне немного завидует, что мои письма пышут бодростью, которой у него не хватает. Он удивляется, что я нахожу что-то интересное; он считает, что я видел войну, но не понял ее, не прочувствовал, а он, Сушинский, не видел ее, но понял и прочувствовал. Мама пишет, что из писем видно, будто я здорово устал. Может быть, они оба правы, но ведь глупо писать о внутренних переживаниях, да вроде и некому, но я устал не от войны, а от служебной обстановки – с меня, по законам войны, требуют невыполнимого, а именно безотказной работы раций, которые сделаны в 34-м году. Я сказал, что я из полка уйду. Правда, мне говорят, что легче на небо улететь, чем уйти из полка. Посмотрим!

Сушинский, как и Тася, твердит, что пора войну кончать, а я мечтаю хотя бы к следующей осени (через год) на недельку заглянуть домой. Здорово было бы!

Игорь Пузырев был, оказывается, дома; замечательно. Сегодня получил письмо от Ирины – она все где-то в деревне, ей понравились мои письма и захотелось на фронт. Жалеем, что нет специальности. Но ведь писать можно по-всяко-

му, и это зависит от настроения, а верить написанному полностью нельзя. Сейчас только пришла в голову мысль – Тасеньке пора бы замуж выйти, это для меня была бы самая большая радость. Вот было б здорово! После войны я взял бы Таську с мужем и Лелю с Галинкой и повез бы смотреть Алма-Ату и озеро Иссык-Куль (что в горах у самой границы Китая). Деньги будут. А не выйдешь замуж, Таська, уеду с какими-нибудь бродягами и все прокучу. Мама, выдай Таську замуж, а то срам какой – даже внучат не будет!

15.04.42

Таська! А помнишь ли ты, как делают слоеные пироги? Для этого, кажется, нужен холод, чтобы морозить тесто. Было время, когда мы ели такие пироги: хорошие – с мясом и не очень плохие – с вареньем. Только это бывает зимой, а сейчас весна. И поросят заливных ели, помнишь? Но это было давно. Я уверен, что слоеные пироги нам еще мама делает. Смешно, Тасенька, – не будет мамы, и ты этого не повторишь.

Я тебе обещаю, что мы посмотрим и солнечную Алма-Ату и поедим узбекских дынь (это вещь особенная, которой в России нет!).

Война – это миг, небольшой этап в жизни. Конечно, она (жизнь) может закончиться и на этом этапе. Она может кончиться даже сейчас, если один из снарядов, которые летают

повсюду, завернет сюда.

По-немецки рассуждая, жизнь без войны однобока. Тася, а ты достань и посмотри еще раз «Разбойников» Шиллера, что там Карл Моор говорил насчет воинов, таких как он. У них это получилось. Ты прочти все – здорово и занятно!

В письмах не положено философствовать. Ну, сейчас мы отдыхаем, хорошо бы до мая не воевать, а там с новыми (!) силами – в жаркое дело.

Помните, в январе в «Правде» писали: «Красная стрела легла на юго-запад от Клина, слева леса и справа леса, слева в лесах немцы, справа в лесах их еще больше. А стрела уходит все дальше на запад». Так мы на кончике той стрелы. Ржев далеко-далеко сзади нас, а ведь в Ржеве немцы.

Сейчас весна. Я каждый день умываюсь, хорошо умываюсь, не смейтесь. Опять на мне чистая гимнастерка, только ватные штаны все в лохмотьях – еще не сменил.

Помню, я в Алма-Ате ходил в порядочном виде, в фуражке, подтянутый, затем опустился шибко – это в декабре, восточнее Тулы, на Западном фронте. У вас фотокарточка должна быть.

В Москве я немного привел себя в порядок и даже каждые два дня менял воротнички. А здесь зимой я был в таком виде: небритый, грязный, ватные брюки, не снимавшиеся всю зиму, расползлись. И только весна заставила всех принарядиться. Вроде ничего не изменилось – и люди те же, и война все так же жестока. У меня есть и шерстяная гимнастерка,

и брюки, только все это где-то в мешке. Если годика через полтора попаду домой, то надену их и воротничок пришью. А вообще я теперь порядок люблю. Ежели я попаду домой, то разберусь в сарае, в чулане, на балконе. Один все сделаю. Вы улыбаетесь; подчеркиваю – мне так кажется! Кругом все такие неаккуратные – мне приходится замечания делать и за чистотой следить.

Ну, всего хорошего. Всем большой первомайский привет. Хотелось бы, чтоб письмо к 1 мая пришло. Но почта уже уехала куда-то в тыл, полк почти весь ушел, и мы одни здесь под вечным, несмолкающим ревом моторов и гулом пушек. Вчера Лукинов приехал с нового места, куда отводят дивизию, из тыла. Говорил, что за два дня душа отдохнула от вечного напряжения, там даже якобы пушек не слышно, а здесь сейчас все трясется.

Мама, работать бросай и заводи поросят: им цены не будет!

26.04.42

Таська, ура! Небольшой антракт. Ох, до чего приятно, как легко на душе. Вот и пройдены все этапы. Последний – это тыл, капитальный ремонт.

Тася, теперь я имею полное моральное право сказать, что воевал и буду воевать. Для этого не обязательно стрелять из винтовки, все-таки сейчас война техники. А почему я так

написал — потому, что увидел, что здесь, в 15 километрах от переднего края и дальше к вам, находятся 50 процентов всех «воюющих». Тут всякие армейские штабы, армейские госпитали, армейские мастерские, медсанбаты, автобаты, автосанроты, всевозможные склады и т. д. А еще подальше повторяются все эти организации фронтового назначения. Людей — как селенок в бочке. Я им нисколько не завидую, ведь неизвестно, что значит хорошо жить. Поп у Некрасова говорил: «В чем счастье, по-вашему? Покой, богатство, честь!» Он все это имел и был несчастлив. А солдат вечно полуголодный, но оставшийся в живых, был счастлив. Так всех этих людей я могу сравнить с попом, а себя с солдатом.

Мы счастливы, потому что заслуженно отдыхаем, пусть будут 2–3 дня, но это очень приятно после пережитого ада.

Идешь по тихим маленьким деревушкам, а над полями звенят сотни жаворонков, щебечут скворцы в скворечниках и поют петухи на огородах, радуясь первым лучам апрельского теплого солнца. Настоящая деревенская тишина почти не нарушается огромным количеством военных, населяющих здешние деревушки. Эти люди в условиях войны — что-то среднее между вами, тружениками тыла, и нами. Они, извините за грубость, трутни, но ведь без трутней улей обойтись не может; точно так же без этих людей не может существовать воюющая армия. Они спят на хороших постелях, имеют временных жен, высыпаются, по утрам пьют молоко, едят масло, катаются на велосипедах. Они пишут такие же

письма с «фронта», и ничего не скажешь – они на Калининском фронте. Но не хотел бы я быть на их месте. Мне на днях одна девушка заметила: «Домой приеду, а о войне и рассказать нечего». Ты понимаешь, ведь они не видели немцев. Ну, я отвлекся, хотелось описать прифронтовой тыл. Тут тоже много опасности, и здесь, конечно, обидно оставить ноги или голову.

Вчера мы переходили на новое место и для сокращения пути пошли по глухой лесной дороге. Дремучий непроходимый лес, узенькая дорожка вся залита водой – здесь кругом вода. Дорога вся завалена деревьями, через каждые 50 метров завалы, заминированные нашими отступавшими прошлым летом войсками. Немцы завалы пропилили и по дороге ездили. Сейчас дорога залита водой, и мы шли по обочине, не обращая внимания на предостерегающие надписи «Мины!». Я и Лукинов шли впереди нашей группы метров за 30. Вдруг сзади взрыв, мы привыкли к этим звукам там, у себя, но здесь? «Откуда могут стрелять?» – спрашиваю я Лукинова. Нам кричат: «Мина, Федотов ранен!» Перепуганные, поворачиваем обратно, стараясь ступать по нашим старым следам. Не дошли пяти метров до лежащего в воде Федотова – снова оглушительный взрыв, кверху летит грязь и вода, обливая всех. Это единственная наша лошадь встала на мину, и ей оторвало ногу – пришлось пристрелить. Федотова я перевязываю, у него обе ноги искромсаны. А затем по середине дороги, по колено в грязи, на самодельных носилках из

свежих осинок мы тащили Федотова три километра до ближайшего поселка.

Видишь, Таська, это в тылу, а сколько лесных тропинок исходил я на линии фронта и никогда о минах не думал. Чем больше находишься на войне, тем пугливее становишься. А раньше я ходил в очках и смотрел только вверх.

Люди весьма трусливы, теперь их в лес не затащишь, и по таким дорогам они по собственной инициативе уже не пойдут. Неделью тому назад мы жили в лесу, в маленьком самодельном домике, и единственной неприятностью считали змей, которых здесь очень много.

В лесу я заметил, что совсем разучился смеяться. К нам зашла сестра из медсанбата, веселая, жизнерадостная девочка Анрида (мать у нее гречанка), и мы с ней вместе много смеялись. Трудно передать легкость этого смеха. Но мы еще будем смеяться, только не знаю, увидимся ли с Сугдинским. Он пока в Москве, но собирается на войну. А если он будет воевать с автоматом в руках, то вы его не увидите.

Иногда получают сумбурные письма! А писать сел с удовольствием.

2.05.42

Привет из Ленинградской области! Много уже изъезжено и исхожено дорог, а десятая тысяча не кончается, что-то длинная она у меня получается.

Вчера было 1 мая! Я проснулся в 6 утра под каким-то грязным столом на заплеванном полу в первой попавшейся мне ночью избе. Всходило солнышко, на душе было легко и прекрасно, все гармонировало с природой, а 30 апреля был тяжелый напряженный день.

Мы на двух машинах поехали за снарядами на старые ОП (огневые позиции), которые находились у переправы на берегу маленькой речки. Подъехали и прикрыли машины елками, так как над нами кружилось три «Юнкерса» и как бы шныряли из одного конца неба в другой два «мессера». И вот один из бомбардировщиков, немного спустившись, увидел нас. Мы почувствовали это сразу, ибо он дает круг и идет прямо на нас на высоте 300—400 метров.

Таська, это красивое зрелище, ведь над нами не автомобиль, и не У-2, и даже не бомбардировщики, появляющиеся над Горьким на высоте один-два километра. Тут все близко, все видно! Мы разбежались вдоль речки, как сумели, и легли в ямки. Самолет дошел до нас и с крутого виража пошел вертикально в пики, одновременно летчик нажал на все кнопки пулеметов и на держатели бомб. В этот момент, скажу прямо, внутри все замирает. А дальше случилось чудо, и не будь этого, снаряды мы бы не привезли. Из-за леса высочили три наших, горьковских, курносых «ястребка». «Юнкерс» бросил две бомбы и пошел за горизонт, преследуемый нашими истребителями.

Вот видишь, даже и из беды свои самолеты выручили. В

несколько минут побросали мы ящики на машины и обратно, правда, еще два раза самолеты загоняли нас в лес, но это ерунда.

А 1-го утром я уже был в 50 километрах от линии фронта и, сидя в кабинке шофера, глядел, как мелькают леса, болота, деревушки, а дорога уходила все дальше и дальше.

Таська, почему бывает иногда так хорошо?

Вечером было все так напряженно, а утром – яркое солнце, поют жаворонки, извилистая дорога то спускается в овраг, то поднимается, идет полем и все дальше и дальше от фронта.

В 12 часов мы остановились. Спрятали машины, помылись на речке, разожгли костерок и устроили первомайский обед. А к вечеру я уже в ста километрах от старых мест вместе с полком. Мы разделись, вымылись, и, сидя у костра, где варился обед, я с удовольствием курил махорку, а затем, лежа на траве, смотрел на заходящее солнце.

Приятно, даже очень приятно прошел первомайский праздник.

Интересно, а как Леля провел его?

II. Пусть бабка молится за меня

13.05.42

Северо-Западный фронт! Идет девятый месяц. Очень жалко, что все-таки начал я не с Южного фронта, ибо до Северного уже «рукой подать». Ну, какие изменения за восемь месяцев: я писал, что перестал смеяться и у глаз появилось по три маленькие морщинки.

Если вернусь домой, то смеяться буду, как и раньше, а морщинки – они останутся на память о настоящем. Вот 2 мая я написал хорошее письмо: так постараюсь из этих страшных мест писать хорошие письма. Во всем страшном есть своеобразная красота. Нельзя было бы даже предположить, побывав здесь раньше, что сюда докатится война.

Мы прошли по гати из бревен через огромные болота, тянущиеся на десятки километров.

Пока все! Идут самолеты.

Был перерыв на один час, я сидел под крутым берегом речки, по воде кругом шлепали осколки, на голову летела земля. Вначале это было даже интересно, а сейчас я устал, как и все вокруг меня. Бывает, целый день в себя не приходишь.

Мы под вечным гулом моторов и сидим то в канаве, то в

воронке, прижимаясь к грязной земле. Заметьте, раньше я так не писал, раньше я не реагировал сильно на самолеты. А сейчас получается что-то вроде лотереи на жизнь.

Отвлекли они меня от нити письма. Так вот, когда мы шли по этим болотам, было жутко смотреть по сторонам; кругом, уходя под мрачные своды деревьев, светится вода, местами она грязно-бурого цвета, местами ярко-коричневого, а где проточная – то черная, как темное пиво. На обочине дороги виден радиатор «Сталинца» – это мощный трактор, который легко вытаскивает из грязи 152-миллиметровые гаубицы, а здесь он не мог вылезти сам. Дальше, в ста метрах от дороги, лежит красивый трехмоторный «Юнкерс-52». Он не утонул, но ведь это и не трактор, он создан для воздуха. Их много здесь по болотам, и они уже никогда не поднимутся в воздух, даже если и не сильно повреждены. Идти можно только вперед или назад, и ни шагу в сторону. Сюда зашли дивизии – десятки тысяч людей, и мне все-таки кажется, что я выберусь отсюда даже при самом плохом варианте. Я недавно где-то прочел стихотворение:

*«Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал, скажут —
Просто повезло!»*

Некому писать мне так, но из песни слов не выкинешь, и я постараюсь, чтобы мне повезло! Лето промелькнет быстро,

а вот осени не хочется, кажется, начинает сказываться усталость. Даже письма не пишутся.

Сегодня в первый раз увидел цветок, он рос рядом с дорогой, у полуразложившегося трупа лошади, но я его сорвал и принес к себе в блиндаж. В хатах мы больше не живем, но и в землю здесь закопаться нельзя, и это просто трагично.

Теперь несколько практических советов: пусть мама работу бросает, а то зимой пропадете. Она конца войны ждет, так пусть не спешит – он не близок. Второе – почему вы к военному магазину не прикрепились; если нужно справку, то пришлю. Третье – если кто фотографией занимается, пришлите карточки посмотреть.

Ну, все, писать кончаю, все время напряжен слух.

17.05.42

Тася, еще раз выкладываю мысли на бумагу, но делать это все труднее. Если приеду – расскажу.

Странно, как цепляешься за жизнь! Вот они, инстинкты, вот почему так размножаются люди.

Давно в Алма-Ате я прочел книгу и слал вам вырезки из нее. Там было написано, что в жизни каждого есть незабываемые дни – по два-три. Так один – это первый день на фронте. У меня такого не было. Где я попал на фронт? Встреча с первыми немецкими самолетами – это было за Волгой. Первые воздушные тревоги – где-то в тылах. Правда, были тя-

желые ноябрьские ночи, когда мы были в обороне на Западном фронте. По мрачному небу шныряли немецкие самолеты, а ночами слышна была артиллерийская канонада. Немцы с юга обходили Москву. Но это был не фронт. Под Холмом, на Калининском фронте, я увидел войну. Сначала было интересно. Я совсем не боялся самолетов, и друзья шутя говорили, что меня не из пулемета подстрелят, а самолет крылом убьет, ибо очки я не надевал, а они летали, задевая верхушки елок. А теперь я уже очков не снимаю и залезаю от самолетов во все канавы. Значит, хочется жить!

Писем часто не ждите, я уже больше никому не пишу. Опять идут самолеты, даже писать не дают. Это все, конечно, только морально действует – здесь лес, и найди-ка нас да попади-ка в нас. Это не просто.

До чего поганый май: грязь, дождь моросит без конца, идет уже вторая половина этого обычно прекрасного месяца. Мы снова куда-то переезжаем, до Старой Руссы осталось 30 километров, а Ржев и Демьянск с сидящими там немцами – сзади. Эстония уже недалеко, постараемся посмотреть и Прибалтику. Вот тогда я буду писать хорошие письма. А сейчас пусть мама кончает работать и едет в деревню. Скоро осень, и мне хочется домой – я это чувствую. Ведь уезжал с мыслями, что это на год, а не получается.

Ну, всего хорошего, привет всем. Я Леле желал на фронт попасть. Так пусть меня извинит, сегодня я ему этого уже не желаю.

25.05.42

Вот я снова пишу! Писать можно много и без конца, ибо время насыщено переживаниями. Когда-то Легочка писал, что рассказывать не о чем, все скучно и однообразно. Да, он по-своему прав, так как не был здесь и не знает, что вокруг творится. Слово «скука» не подойдет никак! Есть ударные части, и дивизия относится к ним. Сейчас в сводках пишут: «На фронте не произошло ничего существенного». Правильно! Части везде стоят в обороне, но мы всегда там, где наносится очередной удар.

На узком участке сосредотачиваются несколько стрелковых дивизий и бригад, и им придаются артиллерийские части и «катюши». На воздух взлетают сразу целые деревни. Небо, до того спокойное, покрывается самолетами, которые простиливают каждый кустик, бомбят каждую телегу. Земля дрожит, в полном смысле этого слова, от непрекращающихся разрывов бомб и снарядов. Такой ад продолжается недели две, а потом мы уходим с этих рубежей, где в обороне остается старая дивизия. Я два раза посещал прежние места: опять тишина, на уцелевших завалинках сидят вылезшие из погребов старики, дети, старухи. Они смотрят на заходящее солнце, на разбитые дома, на полусгоревшие, разрушенные сараи и обычно молчат. А что говорить? Поздно вечером заунывно играет где-нибудь гармошка, а вдалеке за горизон-

том гремит канонада.

Мы снова на новом месте, на берегу красивой Ловати, в 30 километрах южнее Старой Руссы. Последние бои мы вели на реке Пола, между Демьянском и С. Руссой.

Пока тихо, противник нас еще не обнаружил; подходят новые части, кажется, немало. 16-я немецкая армия, окруженная в районе Демьянска, теперь имеет выход, она уже не в кольце. Пользуясь распутицей и бедственным положением наших частей, стоящих среди топких болот, ударная группа, созданная немцами, разорвала кольцо и соединилась с 16-й армией. В окружении было 18 дивизий, а теперь они имеют выход, правда, проход – одна шоссейная дорога на село Рамушево, и вся эта полоска шириной 6 километров простреливается нашей артиллерией. Кажется, мы будем перегрызать это горло. Посмотрим!

Сегодня я шел по красивой дороге, и в памяти проходили картинки детства. Воротынец – наша комната, яркое-яркое солнце, на столе самовар, горячая картошка, и из печки только что вынули сочни с творогом. Наш сад и горы яблук, большие горы, их заколачивают в ящики. Шел, вспоминал и в это время увидел куст цветущей черемухи, вестник весны, символ любви. О, как жалко выглядела сейчас черемуха, она была в полном цвету, на самой дороге, и ею никто не интересовался. Я сорвал кустик, понюхал и бросил. Я хочу есть! Война здесь страшна вдвойне, а сейчас она страшна и голодом. Ведь сотни километров отделяют нас от железных

дорог, а кругом непроходимые болота. Люди испытывают то, что описывает Гамсун в одном своем большом романе – голод. А война как таковая отошла на второй план, нам предложены новые испытания.

Вчера поздно вечером со связистами сидели у костра, на котором мой техник Иванов варил щи из крапивы. Мы молча сидели на мокрых бревнышках и смотрели на чарующие язычки пламени. Вдруг из леса, прямо из темных кустов, тихо вышел вымокший до нитки автоматчик и молча встал за нами, глядя на костер. По его щекам текли слезы. «Ты чего плачешь?» – спросил Иванов. «Кушать хочется!» – ответил автоматчик. Мы посадили его поближе к костру и первому налили котелок щей, насыпали на крышку соли, и всем стало теплей. Сознание твоей нужности кому-то повышает собственные жизненные силы.

Было время, я любил туризм, жизнь у костра. А сейчас лицо, брови, ресницы – все опалено огнем, спим под кустами. Вечером, лежа под морозящим дождем, мечтаю о Волге, о большом красивом пароходе, о каюте 1-го класса, о плетеных креслах на его носу, о ресторане с хорошим обедом. Я недавно шел по болоту по колено в воде, да-да, в полном смысле этого слова, два или три километра, и запах напомнил пароход – тихий вечер, садится солнце, и ветерок доносит этот запах с озера. Ну, я думаю, что еще увижу и Волгу, и Алма-Ату. А если писем не будет, ну и пусть. Я выберусь отсюда! Писать перестал всем!

Жалко выглядят письма, ну что в них напишешь? Об этом, вероятно, можно только рассказать!

7.06.42

Май прошел – это был самый противный месяц из десяти. Болота, грязь, бесконечный дождь. Вот прошло шесть дней июня, и сегодня весь день дождь. Может, война влияет на погоду. Это я серьезно – ведь какие происходят сотрясения воздуха.

Сегодня получил пять писем, связь налажена со всеми. Лучше всех живет и работает Игорь Пузырев. Он опять радиоинженер, у него в руках все новинки немецкой техники, он может совершенствоваться как инженер. Но завидовать в моем положении нельзя, ведь я живу лучше большинства. Игорь пишет, что если мы в одной армии, то будем наверняка вместе. Он не знает, как мы мотаемся, переходя из одной армии в другую. Вообще мы где-то рядом. Все устали порядком, мечтают об отдыхе.

Галинка Александрова пишет, что живет воспоминаниями о прошлом, и считает, что это старость. Неверно! Я тоже вспоминаю многие картинки прошлого. Вчера ясно представил себе, как двенадцатилетним мальчишкой вдвоем с двоюродным братишкой Шуркой ехали вечером большими полями с рожью, на горизонте которых садилось солнце. Затем сыроварня, где нас ждал родной Шуркин брат; перед нами

большая крынка холодного молока, ком только что сбитого масла и каравай свежего черного хлеба.

Разве тогда я думал, что через 17 лет, где-то на берегу Ловати, мокрый от дождя, с удовольствием вспомню об этом, а может быть (чем черт не шутит), через несколько лет, где-нибудь на палубе волжского парохода, обязательно в тишине, мне вспомнится яркий зимний солнечный день, покрытые инеем елки, засыпанная снегом речка, и как я на лыжах спускаюсь с горы и взбираюсь на другой берег. В это время надо мной появились два бомбардировщика, один дает круг – заметили, я моментально прыгаю на сто восемьдесят градусов и кубарем лечу под елку. Самолет идет низко-низко над рекой и строчит из всех пулеметов. Я сижу под мохнатыми от инея ветками и с замиранием слежу за ним.

Так скажите Галинке, что, если есть что вспоминать, это еще не старость, а самое замечательное в жизни. Значит, не монотонно и не скучно проходит она. Скоро год войне. За этот год многое можно вспомнить, если придется. Сейчас нового ничего нет, где-то за лесом третьи сутки идет большой бой, третьи сутки идет дождь, третьи сутки над головой гудят моторы.

Вчера первый раз за полгода смотрел кино («В тылу врага») – на экране холод, свист ветра, пурга, я не досмотрел и пошел спать.

Стояла довольно хорошая ночь, где-то справа стреляли пушки, за рекой бомбили наши самолеты – «короли возду-

ха», так зовут У-2. Немцы все небо исполосовали трассирующими пулями. Вот зрелище! От земли к небу под различными углами тянулись красные, синие, белые следы пуль. В воздухе на парашютах висели белые яркие фонари, дающие свет на несколько километров. Разве это не интересно? – Но к чему привыкаешь, тем не восхищаешься. Действительно, прав был тот проводник-татарин, который о красотах Военно-Грузинской дороги выразился так: «И чего в этих камнях проклятых хорошего?»

А Волька Сибиряков в солнечной теплой Грузии, в Тбилиси, ходит в кино, пьет пиво и понемногу преподает радиотехнику.

Но я ему не завидую! Это точно!

Таська, читала, что англичане начали бомбить немцев? Правда, нам здесь от этого не легче. Как бы англичане войну не выиграли в 43-м году. Но тогда все равно домой. У вас там будущего так не ждут, как здесь. Уж очень не хочется провести осень в этих местах: лета мы не видели, а что будет осенью?

30.06.42

Вот только сегодня, кажется, началось лето, а дни пошли уже на убыль. Прошли белые ночи Ленинградской области.

Ох, как не хочется провести в этих болотах осень. Таська, вот теперь я с удовольствием бы уехал работать в тыл.

Шесть месяцев непрерывных боев за глаза, а больше уж, кажется, лишку. Правда, я понимаю, что большинство окружающих меня устали сильнее. Теперь редко, очень редко можно услышать звуки гармошки, они тревожат душу и напоминают о чем-то далеком, недостижимом. Перед сном в памяти проплывает все, даже мелкие детали. Этот перерыв в жизни (война) как огромная перегородка, все осталось за ней. А впереди что-то неясное и призрачное, во что трудно верить. Даже нельзя представить, как, когда, каким образом можем мы попасть домой. Это будет единственный, особенный день в жизни каждого.

А туристом я больше никогда не буду. До чего осточертел этот дым от костров, который съел все глаза, руки и лицо. Костер – наша подмога, даже от комаров спасает «родной» костерок. Да, представьте себе, это при наличии непрекращающихся дождей.

Тася, получил от тебя письмо. Почему мама не пишет? Деньги – 700 рублей – послал на тебя. Таська, смотри, пусть мама едет в Воротынец и сделает запас до следующего июля. Загоните все и доставайте продукты. Между прочим, и сейчас есть сказочные уголки в нашей стране. Некоторые получают письма с границы, из Южного Казахстана, так там масло 25 рублей кило, сало 30 рублей, свинина 10 рублей, яйца 8 рублей, мука пшеничная 40 рублей пуд, курица 15 рублей, но это места, куда без пропуска не пускают. А в Алма-Ате теперь денег столько, сколько и в Горьком, но цены все-таки

раза в 1,5 ниже. Вообще, конечно, о жизни и о войне вы знаете больше нас, ведь здесь нет радио и очень редко бывают газеты. Мы знаем только то, что делается на фронте в пределах 10–15 километров, но войну немцы, кажется, уже не выиграют, большие шансы имеют американцы и англичане.

Тася, а я завидую Ольдекону. Скажи ему, что он в сорочке родился. Не желаю им попасть сюда, а когда-то Леле желал, не помню, почему. Пусть извинит! Ведь они туризм не любили. А я стремился сюда и не жалею об этом.

Леле скажите, что мы с ним прокатимся еще на пароходке и попьем пива в хорошем тихом ресторане или на палубе, но только обязательно в тишине. Денег достанем, пусть не беспокоится. После войны займемся сельским хозяйством или чем-либо подобным.

А то, что Лелька мне писал, так это свист, но я на него не обижаюсь – ему, вероятно, не до писем.

25.07.42

Двадцать дней непрерывных боев. Дорого нам обходится Старая Русса. Бой завязался такой, что на каждую дивизию приходилось два-три километра фронта. Войск было столько, что не найти кустика, под которым бы не жил солдат.

Приказ был: перерезать дорогу и замкнуть снова кольцо вокруг 16-й армии немцев. Целая армия (11-я) наступала на эту маленькую шоссейку с севера, и еще армия (1-я ударная)

наступала с юга. А для немцев это был вопрос жизни и смерти. Они засыпали нас, кроме снарядов, листовками, в которых писали, чтобы мы помнили Холм и не думали об этом шоссе.

Двадцать дней, не прекращая, била артиллерия. Несколько раз наши части выходили на это шоссе, но с 11-й армией так ни разу и не соединились. Все снабжение немцев шло, как и под Холмом, по воздуху: с утра до темноты и в туман, и в дождь гудели «Юнкерсы», доставляя все, начиная от снарядов и мин и кончая лошадьми и живыми свиньями.

Я двадцать дней провел на наблюдательных пунктах полка, часами просиживал на вершинах огромных густых сосен, откуда прекрасно просматривалась вся панорама боя. Можно было даже видеть артиллерийскую подготовку 11-й армии, наступавшей с севера; интересно смотреть, как буквально мимо носа, на уровне этих сосен, вдоль речки плыли груженные тяжелые «Юнкерсы». Они летели к своим, низко-низко над самой рекой, чтобы не быть подстреленными, ибо наши артиллеристы били по ним из всех стволов.

Немцы засыпали нас минами так, что земля в лесу была сплошь покрыта зелеными ветками, сбитыми осколками. На некоторых наблюдательных пунктах невозможно было выйти из укрытия по нужде. Цвет лиц у людей стал землистый от напряжения. И вот в этой обстановке приходилось ремонтировать радиостанции. Было не до того, чтобы носить их куда-то. Приходишь на место, залезаешь в шалаш на живо-

те, закуриваешь махорку, и тебе объясняют в полутьме дефект рации, а над головой в верхушках сосен рвутся мины. Как только прекращается обстрел, вылезаете вдвоем с помощником на свет, расстилаешь плащ-палатку и начинаешь ремонт: отвернешь несколько винтов, а где-то над головой опять уже рвутся мины и падают на землю зеленые ветки. А мой радиомастер Иванов, удивительного спокойствия человек – он даже под артобстрелом продолжает мотать свои катушки, – усядется спиной к сосне так, чтоб фронт был сзади, и крутит чего-то. Иванов на два года старше меня, у него жена и трое детей где-то в деревне под Костромой. Он как заговоренный – неделю назад шальная пуля, на излете, видимо, попала ему в грудь, пробила ватник и упала за пазуху, только синяк на груди остался. Иванов провертел в этой пуле дырку и носит, как образок, на веревочке. Вот благодаря таким людям и выигрывает войны Россия. Его уже два раза представляли к ордену, но оба раза давали медаль «За отвагу» – рядовым пока ордена не дают.

Людей в полку порядком поубавилось, многие, уже калеками, отправились в тыл. А ведь воюем суший пустяк. Мой друг, помначсвязи полка, с которым мы неразлучны, первый раз был ранен под Холмом и только успел вернуться, как вчера с перебитой кистью руки отправился окончательно в ваши края. Возможно, ему повезло, по крайней мере, многие так считают. Люди кончились, и война автоматически умолкла.

Что-то редко я стал получать письма из дома. Сначала они шли через 10–15 дней, я считал это нормой, затем интервал увеличился до месяца, а теперь второй месяц пошел, и ни приветов, ни ответов – негоже получается! Правда, время летит с головокружительной быстротой, сначала летели дни, я их считал, затем пошли месяцы, а скоро, возможно, пойдут года. Да, эти быстрые месяцы являются сгустком чего-то большого, непередаваемого. Как хочется попасть домой, но отсюда, до тех пор пока здоров, это невозможно. А мне пишут, что дома побывали почти все, но про войну вам рассказали мало, ведь они немцев-то видели, как льва в зоопарке.

Маме хочется на меня посмотреть, так это будет очень, очень не скоро. Между прочим, 8-я гвардейская – наша предшественница – легендарная Панфиловская дивизия, уехала на переформирование в Алма-Ату. Вот это повезло! Ох, как нам хочется повторить их маршрут. Пусть чужой, неродной город, но как бы было приятно. Оттуда «земляки» шлют нам подарки, хорошие папиросы, прекрасный табак, жалею – Леле не могу прислать. Да, а интересно было бы попасть мне в Горький в моих обносках. Вероятно, Легочка и Игорь ходили там в военном обмундировании, и на них приятно было смотреть. А я только ночью смог бы пройти по городу. Моя шинелька – она мне все: и одеяло – расстег-

нув хлястик, я завертываюсь в нее весь с головой и ногами, — и подушка. Я вытираю об нее и лицо, и руки, режу на ней хлеб и селедку, вытираю ею ложку и котелок. Она подпалена, пробита осколками мин, и пола ее прожжена зимой на костре. Сапоги в вечной непросыхающей грязи. И вот так бы попасть на Свердловку.

31.07.42

Занятный день! Когда нет войны, когда кругом тихо, переживания бывают более выпуклы. Вот двадцать дней очень тяжелых боев прошли, как все прежние дни войны, а сегодняшний день, вероятно, навсегда останется в памяти. Была гроза, дождь загнал меня в деревушку. Жителей, конечно, нет, их давно всех эвакуировали из этих страшных мест, только в некоторых полуразбитых домах живут наши. В одном из таких домишек с выбитыми ставнями я встретил полкового гармониста. Лил дождь, он играл мне грустные мелодии, я закурил, снял ремень, пилотку, так как после бега очень вспотел. Он заиграл «Синий платочек», и я вспомнил наши пластинки (крутите ли вы их?). Дождь стал утихать, и в середине этой песенки вдруг слышу свист, шум, и первый снаряд разрывается под окном. Я падаю на пол, в ушах звон, на голову летят доски, земля с разбитого потолка, а снаряды рвутся один за другим. Гармониста как ветром сдуло. Я бросаюсь в дверь — открытая со всех сторон площадка, снова

доски летят, — спасаясь от осколков, ложусь на пол, затем залезаю под крыльцо, но что такое гнилое крыльцо, а снаряды продолжают со свистом лететь. Я не знаю, куда деться, бегу в сарай — соломенная полураскрытая крыша; новый разрыв снаряда укладывает меня на навоз, где я и лежал какое-то время. Налет закончился, и все стихло.

Дождь перестал, на улице, наряду с приятным запахом после грозы, пахло пороховым дымом, который стлался вдаль сизой дымкой. Вылезали из-под домов люди, несли в санчасть раненых, во дворе в предсмертных судорогах билась лошадь — осколок распорол ей живот, и все кишки вывалились наружу. Из-за уходящих рваных облаков выглянуло веселое солнышко: я вбежал в дом, взял ремень, пилотку — и мигом из села. Через несколько минут я уже шел вдоль ржаного поля, под ногами текла быстрая речка, в небе после грозы пели десятки жаворонков. Кругом было все так обычно для теплого июльского дня. Только сзади, в деревушке, остались суесящиеся, немного побледневшие люди. А война здесь вообще-то окончилась, и мы находимся в относительно спокойном месте. И вот, когда я шел по полю, со звоном в ушах, мне стало неприятно от только что пережитого и очень не хотелось, чтобы это повторилось.

Тасе хочется в лес и на речку, а мне надоели эти кругом шумящие речки и эти нигде не кончающиеся леса. Правда, по мирному времени это красиво, но жить в болоте и под непрекращающимися дождями надоедает. Лето кончается, а

дороги так и не просохли, о лесе и не говорю. Ходить приходится так, что иногда зачерпываешь полные сапоги.

14.08.42

*«Ну, что ж, мы были в жарком деле,
Пройдут года – заговорят,
Как мы под тридцать лет сидели
И не старели в шестьдесят».*

Вот теперь я могу написать, что все кругом монотонно и однообразно. Каждый день похож на прошедший, бывают изредка неприятные дни, но мне кажется, что, если рядом рвется снаряд, к этому все равно не привыкнешь. А снаряды сейчас падают по принципу «на кого бог пошлет»: стреляют не по целям, не по дорогам, а равномерно по всем лесам, по артиллерийски это называется обстрелом по площадям. Вот и вся здешняя война. Самолеты исчезли и стали в диковинку. Все взоры направлены на юг. Скоро осень, а лета так и не было. Восьмой месяц я не слышал гудка паровоза и с зимы не видел автомашин. Полгода не видел людей, обычных, как вы, полгода без кино, без театра. Недавно пришел на батарею, там была женщина-врач; я что-то стал объяснять человеку и сказал нецензурное слово, и только после сообразил, что по старой, забытой морали, которая существовала там,

дома, которая, вероятно, существует и сейчас, такие вещи говорить не положено. Самое интересное теперь – это сны; в них повторяются недостижимые картины прошлого, и вот под впечатлением снов я пишу письма. На днях я во сне возвращался домой, приплыл на пароходе и подымался по лестнице вверх. На скамейке сидели Леля и Леночка, и мы пошли тихонько по Откосу. За Волгой, как всегда, красиво сидело солнце. И вдруг, возможно, близкий разрыв снаряда перебросил меня во сне сразу из прошлого, через 1000 километров, как бы в настоящее. Я во сне видел летящие самолеты и разрывы падающих бомб, залезал под корни какой-то сваленной сосны, а осколки летели медленно-медленно, сбивая на пути большие сучья, которые накрывали меня. Внутри опять все напрягается – даже во сне, сколько резких переходов.

В общем, я переключился на сны, писем не жду ни от кого и только мечтаю о письме из дома. Сначала мне хотелось, чтобы писали друзья и знакомые, и я просил об этом, а получал такие ответы, что мне стало тошно. Во мне сейчас ничего не пошевелинется, если на глазах снаряд разорвет человека. Маме не нравилось, что я много смеюсь, так вот, мама: Лукинов людям говорит, что за все время лейтенант смеялся один раз – и это верно. Конечно, я улыбаюсь, но это не прежний беззаботный смех. Не подумайте, что я изменился, я такой же, как и год назад. Только потолстел и пожирнел трошки, стойку на руках, пожалуй, не сделаю, но знаю, что

в день могу проходить, не уставая, по 40 километров.

25.08.42

Таська! Без меня замуж не выходи. Чуток обожди, говорят, все-таки нечестно сейчас устраивать свою личную жизнь, когда так много, очень много хороших людей рискуют ею для всех остальных.

Вообще сама жизнь заставляет людей приспособливаться, а посему я стараюсь быть в стороне от осуждения других. Таська, здесь с презрением относятся к женщине, которая родила во время войны, но большинство из этих людей ничем не лучше осуждаемого ими человека. Когда-то давно Иисус Христос сказал толпе, бросающей камни в блудницу: пусть бросит камень тот, кто самый чистый, и такого, кажется, не нашлось.

Так было, так есть, так будет всегда!

Но все-таки лучше подождать еще годок-два, я в этом уверен, и все кончится, и мы должны увидеться. Я Лукинову говорю, если мы не вернемся, то кто же вернется; ему это не нравится, и он всегда говорит обратное. Леля все думает, что мне плохо, да мне лучше вас всех. Под ногами в двух метрах речка, кругом лес, тишина, никого нет.

Где-то далеко слышны раскаты рвущихся бомб. До наших наблюдательных пунктов 10 километров, война там и еще чуть дальше. Делать нечего, и я хожу везде, бываю на всех ба-

тарях, которые разбросаны по лесам, проверяю рации. Часто, идя с батареи, собираю грибы. Лес – глухой сосновый бор, кругом ковер из мха и масса брусники. Тихо-тихо, только прыгают птицы на ветках, иногда защелкает белка на вершине сосны. Идешь обычно напрямик по телефонному проводу, дороги здесь не нужны, да и неприятно по ним ходить. Сегодня набрал прекрасных белых грибов. И, как раньше в детстве, ночью перед глазами мелькали красноголовики, подберезовики и на толстых ножках боровики. В лесу очень много малины, но я увлекаюсь грибами. Август все-таки выстоял замечательный, дороги почти просохли, но мое болото уже не высохнет, ходить по нему приходится по щиколотку в воде.

Война застряла в лесу, а километрах в 10–15 от «передка» стоят ржанные неубранные поля. Убирать некому, жителей нет, все так и останется.

Между прочим, это те места, природа которых вдохновляла Левитана, под впечатлением от них из-под его кисти выходили лучшие произведения. А природа не изменилась, только кое-где ее испортили бомбежка и артиллерийские налеты.

Где стоят батареи, там просто дачи: высокие сосны, под ними столики, скамейки; приходишь – тебя угощают обедом, чаем, ставят на стол целые котелки малины, черники. Посидишь, попьешь чайку, покуришь махорочку, затем полежишь в блиндаже полчасика (там прохладно) и 1–2 километ-

ра по телефонному проводу идешь до следующей батареи. Правда, иногда и на батареи бывают огневые налеты: падают срезанные сосны, летят в воздух столики и скамейки. Люди залезают в блиндажи и пережидают эти неприятные минуты. Но ведь это ж война!

Рации у меня работают хорошо, и я в полку теперь на привилегированном положении. Иногда хочется уйти из полка, проходит пара дней, и снова жалко расставаться со всеми. Еще много здесь друзей осталось с Алма-Аты.

10.09.42

Год! Ровно год назад в это время я вышел с завода. То был один из самых хороших дней в моей жизни. Я вышел из проходной в 2 часа дня, и на душе стало легко и свободно. Дул теплый ветер, на Оке была небольшая рябь, погода радовалась в этот день. Я прошел по крутому берегу до Караваихи и поехал домой.

Меня радовало в тот день все: и солнышко, и река, и ветер. Парадоксально, но это факт.

Люди могли удивляться, пусть – меня это не касалось. Мне могли сказать, что я не знаю, что такое война; нет, я предполагал.

Прошло 365 дней, сзади осталось 11 000 километров и 4 фронта; этого мне хотелось. Почти все уезжали с тяжелым настроением, и люди сильно изменились за год, они поста-

рели на 5–6 лет. Я гляжу на их лица и вспоминаю Алма-Ату, там это были молодые ребяташки, а сейчас – взрослые люди, увидевшие и пережившие многое, почувствовавшие дыхание смерти. О себе я молчу, как напишешь? Но мне кажется, что я изменился меньше всех.

В этом арtpолку я, похоже, последние дни – уже есть приказ о переводе меня в дивизию, в батальон связи. Видите, какая хорошая годовщинка. Делал я попытки попасть в армейские мастерские, но теперь очень рад, что не уехал. Попасть в тыл мне было бы очень неприятно. Я все же не понимаю Миколку. Вчера получил от него открытку – пишет, что после полудюжины рапортов он вырвался из ВВС. Пишет из Мурманска, и даже адреса нет, шлет вам всем привет. Виделся с Генкой Калиновским, но где он, не понял – или в Севастополе, или в Ленинграде, артиллеристом. Но и артиллеристов убивают, Валентин Легостин убит где-то здесь на нашем фронте, может, рядом, где был я, – не знаю.

Тасе, вероятно, неприятно от этого, но ведь война, а на войне это обычно. Когда-то Борис Логдилов писал, что удивляется тому, что еще жив; это было написано точно и без прикрас, ведь он был в пехоте. Артиллеристы писать так не имеют права, ибо у них лотерея немного другая. Ну, письмо мое съехало не туда!

10 сентября должно быть всегда чем-то отмечено. Сегодня первый день недели шинели, кажется, наступает осень, а в прошлом году мы катались на яхте, ели помидоры, огур-

цы там, под Печерами, на песках. Было тепло, я снимал из «лейки», что получилось – так мне и не прислали. С Орловой прощались тогда, но уговорились выпить после войны. Мы не пехотинцы и уже не артиллеристы, а посему будем мечтать о будущем.

Год тому назад я лежал ночью у нас во дворе на площадке и глядел на звезды, а Леля дежурил и, извините за выражение, воровал с чужих грядок огурцы; он совмещал приятное с полезным. После огурцов переключился на морковь и все угощал меня, а я лежал и думал, попаду ли еще на наш двор. Леле я сказал, что не увидимся минимум год, он не верил. Так скажите ему, что этот минимум передвигается еще на 1,5–2 года. Но мы молоды, а год или два – это миг в нашей жизни; ведь год уже промелькнул.

Помню, как ночью я простился с Лелей, а утром на вокзале с Тасей. Год прошел; я видел все, что мне хотелось.

10.10.42

Началось все это с 26 сентября. Утро было тихое, солнечное, ни выстрела, ни ветерка, мы привыкли уже к тишине.

Мы смирились с тем, что эта узкая шоссе́йная дорога к Демьянску осталась за немцами. В 11.00 я на курсах радистов рассказывал о работе выходного каскада приемника, как вдруг все насторожились: в небе послышалось мощное гудение моторов, и на земле поднялась невообразимая трес-

котня из всех видов оружия: били зенитки, пулеметы, винтовки, автоматы, каждый стрелял, из чего мог. Мой голос потонул в этом шуме и грохоте. В небе крутилось до 50 «Юнкерсов». Стрельба с земли стихла – все залегли в блиндажи. Земля дрожала от разрывов авиационных бомб и снарядов – это немцы вели авиационную и артиллерийскую подготовку – решили наступать!

С последними лучами солнца ушли за горизонт «Юнкеры», люди вылезли из земли на воздух, вид был у всех как после последнего экзамена большой тяжелой сессии: за день люди устали, как за полгода зубрежки. На Кавказе, в горах, альпинисты, о которых рассказывает Микола, за всю жизнь столько ощущений не получают.

С уходом самолетов артиллерия немцев стала бить интенсивней, но потемнело, поэтому не так страшно. Обстановка прояснилась к середине ночи, когда немецкие танки вышли на дорогу и разъединили нас со стрелковыми полками; танки били в нашу сторону с дистанции 150–200 метров, так что выстрелы и разрывы сливались вместе. Оказалось, что основной удар немцы нанесли по 7-й гвардейской дивизии, прорвали там фронт и вышли в тыл нашей дивизии. Нам в 3 часа ночи приказано было выйти из окружения, точнее, из этой неразберихи. Мы выбрались из пекла и утром были на нашем сенокосе (каждая часть имела участок заготовки сена) километрах в 25 от своих полков. С утра – еще не успело подняться солнце – в воздухе появились «Юнкеры»

и «мессера». Это был ад: «мессера» на бреющем полете парами проходили вдоль дороги, около которой прятались мы, и простреливали каждый куст, «Юнкеры» бомбили каждую кочку. Немцы наступали как обычно – с техникой. Мы целый день только курили и ничего не ели (в таких случаях, между прочим, что-то не кушается). День прошел, о судьбе полков ничего не знаем, они остались где-то вместе со штабом дивизии. Ночью мы отступили еще километров на 15 от нашего сенокоса, спрятались в овраге и под обстрелом провели еще один день. С дивизией связи нет, даже армия не знает ничего о судьбе наших полков.

Вечером было решено разыскать штаб дивизии, ибо с нами (часть батальона связи) убежали два помначсвязи дивизии, а старичок начсвязи остался в штабе. Помощники (два капитана, молоденькие ребята) приказали снарядить бричку с кабелем и телефонными аппаратами, и мы двинулись «вперед к немцам» налаживать связь с дивизией.

Дойдя до сенокоса, начштаба батальона, спокойный парень, предложил выслать разведку, а всем ждать в теплых шалашах из сена. Один из помначсвязи, мой приятель, сказал: «Рябов, берем автоматчика и идем втроем!» Мы положили в карманы по паре гранат и с автоматами на шее двинулись в черную ночь. В другом направлении ушли трое радистов с рацией, а остальные залегли спать в теплых шалашах из свежего сена. Мы прошли километров 10 до переправы через Ловать, перешли реку и узкой тропкой, боясь нарвать-

ся на немцев, двинулись дальше. На другой стороне реки шла перестрелка, летели трассирующие пули, некоторые перелетали реку, сзади нас вдалеке рвались снаряды. Мы шли по земле, где не было стрельбы и не было пока ни своих, ни чужих. Мы ориентировочно знали, где нужно переплыть реку и выйти к нашим полкам.

16.10.42

Сейчас, после многих мытарств, мы находимся в каком-то глухом, заброшенном овраге, где на деревьях висят остатки вороньих гнезд.

Живем в вырытых наспех норах, в крутых склонах оврага, а какое счастье было бы поспать сейчас в хорошем блиндаже с железной печкой! Вот в этих мокрых и холодных норах мне и приходится ремонтировать станции; много их прошло через мои руки – уже имею некоторый опыт.

Писать, между прочим, трудно, сверху, не знаю, как выразиться точнее, ну с потолка, что ли, все время капает, копилка трещит и тухнет.

Тася, напиши числа, когда получили мои письма. Я с новым адресом всех растерял, и из дома нет вестей. Возможно, письма в полку, но до него не добраться. Значит, они где-то далеко, и их я пока не читал.

Большой привет моей бабке. Пусть молится за меня. Я послал вам 500 рублей, так вы ей выделите деньжонок.

Писать кончаю — дождь не дает.

20.10.42

Жизнь течет без особых перемен! Живем мы теперь в маленькой бане. Это не та баня, что вы видели в наших бедных деревнях, «по-черному». Нет, эта баня была военная, самодельная. В овраге (здесь вся жизнь в овраге проходит) выкопана нора, она накрыта тонкими деревьями и ветками, в ней стояла кадка. Сейчас мы кадку выкинули, на березовом чурбаке стоит коптилка из консервной банки, с потолка течет вода, отопления никакого — отопительный сезон еще не начался. Жизнь идет в разговорах, особенно по вечерам, обсуждается все: начиная от классической литературы и кончая вторым фронтом. Мы забыли о домашнем тепле, дым от махорки и копоть от лампы висят в воздухе нашей землянки, скрывая наши лица.

Мама как-то писала, что если ранят, то есть покалечат, — ерунда. Так вот, один приятель в этой «уютной» обстановке описывает возможную картину будущего.

Огромный зал, гремит оркестр, молодежь танцует вальс «Отечественная война». Тыходишь на костылях и садишься, на тебя никто не смотрит — это так обычно. Закурив, ты вспоминаешь другую музыку, под которую танцевала земля, под которую мы зарывались в землю. Так вот, мама, я этого не хочу, и мне этого не желей. Хороши только крайности,

компромиссов быть не должно.

Сейчас я здорово полюбил жизнь. Был один момент, когда мне жизнь надоела; это было нехорошо, но это краткий отрезок времени; сейчас я от дурных настроений освободился полностью. За последние 13 месяцев не было ни одного дня с так называемым «интеллигентским» плохим настроением. Было много тяжелых, неприятных часов, но это не тоска, которая бывает от внутренней пустоты или, точнее, от «повышенного культурного уровня». Ну, хватит философствовать! Сейчас снял машинкой все волосы. Думал, на отдых попадем, так берег прическу, но теперь об отдыхе уже не мечтаем, и потому подстригся на зиму. Между прочим, попадаютсЯ и седые волосы.

III. С войны возвращаются стариками

22.10.42

Стоит настоящая осень! Эти черные ночи даже не описать: абсолютная чернота, идешь, как слепой, по грязному крутому оврагу, и нет никаких ориентиров. А вообще жизнь в земле, точнее, под землей, осенью совсем непривлекательна. Говорят, что от этих сырых блиндажей даже здоровье портится, но я подчеркиваю – говорят, ибо по себе не чувствую. На днях глядел кино – на открытом воздухе, под морсящим дождем. С экрана пела Кэто Джапаридзе что-то цыганское, что-то тоскливое, а над горизонтом, в черноте ночи, висели белые осветительные ракеты немцев, и иногда пролетали случайные трассирующие пульки. Вечерами, при свете коптилки, читаем вслух Лермонтова. Я всегда любил Лермонтова, но сейчас особенно. Вечера длинные-длинные, а ночи и того больше – устаешь спать. С каким, вероятно, удовольствием вы поспали бы так. Теперь, для разнообразия жизни, я решил отрастить бороду и усы. Буду растить до первого приезда на «большую землю», то есть до первого города. Вот если годика через два я попаду в Горький, то приеду с

бородой, и вы скажете: «С войны возвращаются стариками!»

25.10.42

Почти месяц не получаю писем! Сегодня одна открытка от Орловой. Пишет, что видела вас, настроение у всех хорошее, и выглядите лучше, чем весной. У нее за один год в семье четыре смерти: отец, Виктор, Валентин Л. и??? – я не знаю его.

Меня моя жизнь не тяготит, и 3–4 года я вынесу легко. Видите – я постепенно увеличиваю сроки. При первом прощании с Лелей и Таськой год казался слишком большим периодом, а теперь вам, вероятно, не понравится новая цифра и вы поморщитесь. Ничего, увидимся.

Сейчас о другом: вот уже пять дней живем под крышей; прекрасно – на улице дождь, а у нас сухо. Конечно, хата без окон, без дверей, но главное – крыша. Правда, под такими крышами жить рискованно: на них кидают бомбы, и по этой причине нас все-таки попросят выехать в лес.

На фронте стало тихо, как и месяц тому назад. Немец мог бы далеко отогнать нас, но почему-то удовлетворился 30–40 километрами. Коридор на Демьянск теперь имеет ширину в 40 километров вместо 50. Только пушки, несмотря на дождь, продолжают стрелять.

1.11.42

Таська, мои письма – что-то похожее на дневник, только он получается не при мне, а отсылается домой. Приеду, прочту, вспомню еще раз всю эпопею; не приеду – вам на память останется. Живем опять под землей, в норах: 10 дней жили в полуразрушенном доме, но приказали зарыться. Начальство нас жалеет и не разрешает рисковать жизнью. Если бы вы знали, как изрыли, ископали Калининскую и Ленинградскую область. Все речки, точнее их берега, все овраги, все леса – все раскопано под блиндажи. Мы только и делаем, что переезжаем с места на место, больше 10–15 дней на одном месте не живем. Война утихла, здесь и летом-то не особенно развоюешься.

Теперь немного о письмах: я иногда жалел, что некому написать то, что пишется единственной, а через полтора года понял, что самое лучшее сейчас – не иметь обязательств перед будущим. Убьют – не оставлю ни вдовы, ни сирот. Так что мне писать никто не обязан, а на родную сестренку я не обижаюсь и на то, что ей надоело писать письма (последнее письмо было в августе, да маленькая открытка от 15.09, где она беспокоится о моем молчании). Вообще, Таська, на тебя я не сержусь, где-то встречал строчки: «Увидеться – это б здорово, а писать майор не любил».

Регулярно пишет только мама, но говорят, что материн-

ские чувства самые сильные. Не знаю, читаете ли вы газеты (вероятно, нет), так в «Комсомолке» от 19.10.42 была очень интересная статейка: письмо какой-то Лиды из Саратова на фронт. Не хотелось бы получить такое письмо, живя здесь под землей на положении крота. Хорошо, что будущее у меня пока неопределенно! Маме хочется увидеть меня, так для нее есть песня:

*«Вы меня не ждите,
Шибко не грустите.
Путь на Запад
Труден и далек!»*

А сон мой, Таська, – в начале войны – кончился где-то на юге Европы. Длинный путь предстоит.

9.11.42

Самое приятное на фронте – водка, баня и табак! О первом говорить не приходится, ясно без слов. Второе – баня, но фронтовая баня – это вам не обычная баня. Она устраивается в блиндаже, топится «по-черному», когда «поддадут», то получается крепко. Даже в мороз приходится вылезать наружу и отпыхиваться минут пять, а затем снова на полоч. Ну а табак – это на любителя. 8 ноября я имел все три удовольствия. Попарился, выпил, хотел письмо написать, но уснул.

Под вчерашним впечатлением пишу сегодня.

Вообще праздники прошли в мирной обстановке. Здесь наступает зима: речка замерзла, но снега еще нет. Наконец-то мы дождались сухой погоды, а ждали ее с апреля. Все лето и осень провели в непрсыхающих лесах. Писать становится не о чем – опять будни войны. Я пишу много, когда события вертятся и нарастают, когда близко смерть, когда жизнь становится дороже и интересней. Вероятно, поэтому и мне мало пишут, регулярно пишут мама и Орлова.

Такие хорошие конверты мне дает Лукинов, и только для писем домой!

15.11.42

Таська, ты пишешь, что не получаете писем – очень жалко и обидно. Вновь их не напишешь, повторяться – не хочется. Я писал 25.10 и 1.11.42 года.

Сегодня выпал первый снег – хорошо!

Приятно, что Миколку начальство ценит и не отпускает на фронт. Правда, и здесь побывать необходимо, но для него это очень рискованно. Самое хорошее для его родителей то, что он на старом месте.

Тася, ты раньше писала о друзьях, а теперь перестала. Как Леля, Леночка, Галинка? Напиши, мне все о них очень интересно; ведь только эти маленькие строчки связывают меня с вашим миром. Напиши о городе, о театре, о кино, о дворе,

о яблоках, о картошке. Прошло лето, а я не видел ни одного огурца, ни одного яблока. Таська, если писать редко, то можно писать о многом и интересно. Бывает, что и отсюда писать нечего, когда нет особенных впечатлений, которыми так богата война, письма получаются сухими и скучными.

Сейчас я задаю только один вопрос: «Где и с кем воюют «академики» Аська и Кирик?»

Вчера пришел приятель из арtpолка, пом. по радиосвязи, говорит: «Рябов, Рябов, ведь у тебя души не осталось, тебя интересует только то, что надо для войны!» Это он в смысле работы – мне ничего не хочется делать, что не требует обстановка. Он утверждает, что если его не убьют, то он обязательно замерзнет зимой (здесь это тоже нетрудно), все вспоминает, что пропала их молодость, что они ничего не видели и завидуют тем, кто в тылу. Мне смешно его слушать, как по-разному мы мыслим. Я пропал бы с тоски, если бы был сейчас дома.

Правда, мне иногда хочется, очень хочется попасть домой и посмотреть на всех вас, но и только.

Наша молодость не прошла, она идет и сейчас, хотя дома мы будем очень не скоро. Я бы не выкинул из жизни ни одного года: школа – 9 лет, работа – 3 года, и это была школа жизни, и совсем не напрасно. Был лишний год в институте, но он дал один кубик на петлицу, без которого я не попал бы на фронт. И о последних полутора годах – если вернусь домой, я никогда не пожалею. Пока все.

Скажите Галинке Александровой, что на фронт еще не поздно, война только разгорается, что война не игрушка – пусть прочтет Черчилля от 13.11.42 о том, сколько немцев еще на Западе.

Все, снег продолжает падать, коптилка догорает, люди спят.

20.11.42

Тася, ты пишешь, что 8-го выпили – так это замечательно! А почему Леля с вами не гулял? Я доволен, что на горизонте появился Сущинский, почему он мне не пишет? Да, а Легочка, кажется, тоже начал воевать – он в танковой части, но это не совсем хорошо. У вас в Горьком теперь все побывали, кроме меня и Миколки, нас отделяют 2000 километров, и плюс к этому я нахожусь в такой глуши, как никто.

Здесь очень красиво, особенно ночью. Вылезает из-под земли, а кругом покрытые инеем сосны и ели. Вспоминается жуткий январь, озеро Селигер: я верхом, один, объезжаю разбитый разрушенный дом отдыха «Селигер». А сейчас здесь, в блиндаже, тепло, как дома, играет брошенный фрицевский приемник, марш сменила гавайская гитара. Вот как ваш Рябов здорово воет, не каждому так приходится. От передовой мы отодвинулись, и давно я не слышу свиста мин и разрывов снарядов, уже скучать начинаю по ним.

Приемник играет прекрасное танго. Вы давно, вероятно,

не слышали такой музыки, а мне почему-то сейчас очень захотелось попасть в большой зал с публикой.

22.11.42

Таська! Пьер говорил: «Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым...»; «оставим мертвым хоронить мертвых, а пока жив, надо жить и быть счастливым». Это прекрасные мысли. Они тебе нравятся? Это мудрая философия – постарайся придерживаться ее. А в артполку на моем месте теперь земляк из Горького; куда ни сунься – все из Горького, на рациях «зав. Ленина», «зав. Фрунзе», на столе калибратор стоит, так Саша Салин его при мне только еще разрабатывал, пушки в полку с «92-го», танки из Сормова, а люди если не горьковские, то все там побывали. А мой радиотехник – лесовод из Красных Баков, так он с радио дела никогда не имел (война!), – что я с ним делать буду? Был у меня хороший мастер, учиться уехал, и теперь я один на всю дивизию; по штату людей много положено, а в действительности никого нет. Работой и положением я очень доволен и никому уже не завидую, потому что я на фронте; есть и другие причины.

Тася, я не прошу тебя писать письма, кроме обязательной открытки один раз в месяц. Это необходимо для внутреннего успокоения; в людях есть хорошая и плохая черта – это вечная тяга, привязанность к Родине. У меня она выражена

сильнее, чем у других. Я сегодня имел разговор на такую тему: плохо быть человеком, потерявшим родину (в широком смысле), а среди молодежи много таких.

Во сне я сегодня плыл по Волге (спал 13 часов) на большом пароходе. Где-то за лугами садилось солнце, у перил стояла Надя, и я ей рассказывал об Азии, об Урале и говорил, что Волгу ни на что не променяю. Тася, ты ни разу не написала о Волге. Все-таки хочется посмотреть на Горький. Раз во сне я был там, и занятно – стоял в коридоре перед зеркалом и думал: надеть пальто или шинель (мою родную шинельку). Тася писала, что видела Кирика и Аську, Абрама А. И вид у них «тот»! У нас у всех здесь вид далеко не тот!

28.11.42

Таська, теперь я – коммунист! Два месяца назад, когда наша часть попала в окружение, меня разыскал политрук со словами: «Нам, Рябов, надо серьезно поговорить. Пойдем погуляем!»

Мы отошли к лесу, и по дороге он сказал, чтобы я написал заявление с просьбой принять меня в партию, на что я ответил: «У меня отец арестован как враг народа».

Мой собеседник жестко парировал: «Это там, на гражданке, пускай разбираются, а здесь идет война, и ты, Рябов, нужен партии! Понимаешь, всех людей можно разделить, независимо от происхождения, образования, положения в обще-

стве, на тех, кто считает, что им все должны, и тех, кто считает, что они сами всем должны: должны помогать, должны руководить, должны нести ответственность. Должны служить Родине! И это самое главное!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.